

Сергей
Тармашев

ЭЛЕКТРОШОК ВНЕЗАПНО

Миры и войны Сергея Тармашева

Сергей Тармашев

Электрошок. Внезапно

«Издательство АСТ»

2022

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Тармашев С. С.

Электрошок. Внезапно / С. С. Тармашев — «Издательство АСТ»,
2022 — (Миры и войны Сергея Тармашева)

ISBN 978-5-17-147079-1

Вся жизнь человечества уже давно зависит от электричества. Оно питает замки и системы жизнеобеспечения в домах, движет машинами, поездами метро и самолётами, управляет ракетами, танками и автоматами, заряжает все телефоны и навигаторы. А затем, совершенно внезапно, электричество просто... исчезает. И пока простые люди пытаются найти еду и согреть свои остывающие дома, а ставшие бесполезными чиновники и бюрократы обмениваются бесчисленными приказами и выясняют, кто из них главный, самые дальновидные умы начинают задаваться вопросом: а что, если электричество больше никогда не вернётся?

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-147079-1

© Тармашев С. С., 2022
© Издательство АСТ, 2022

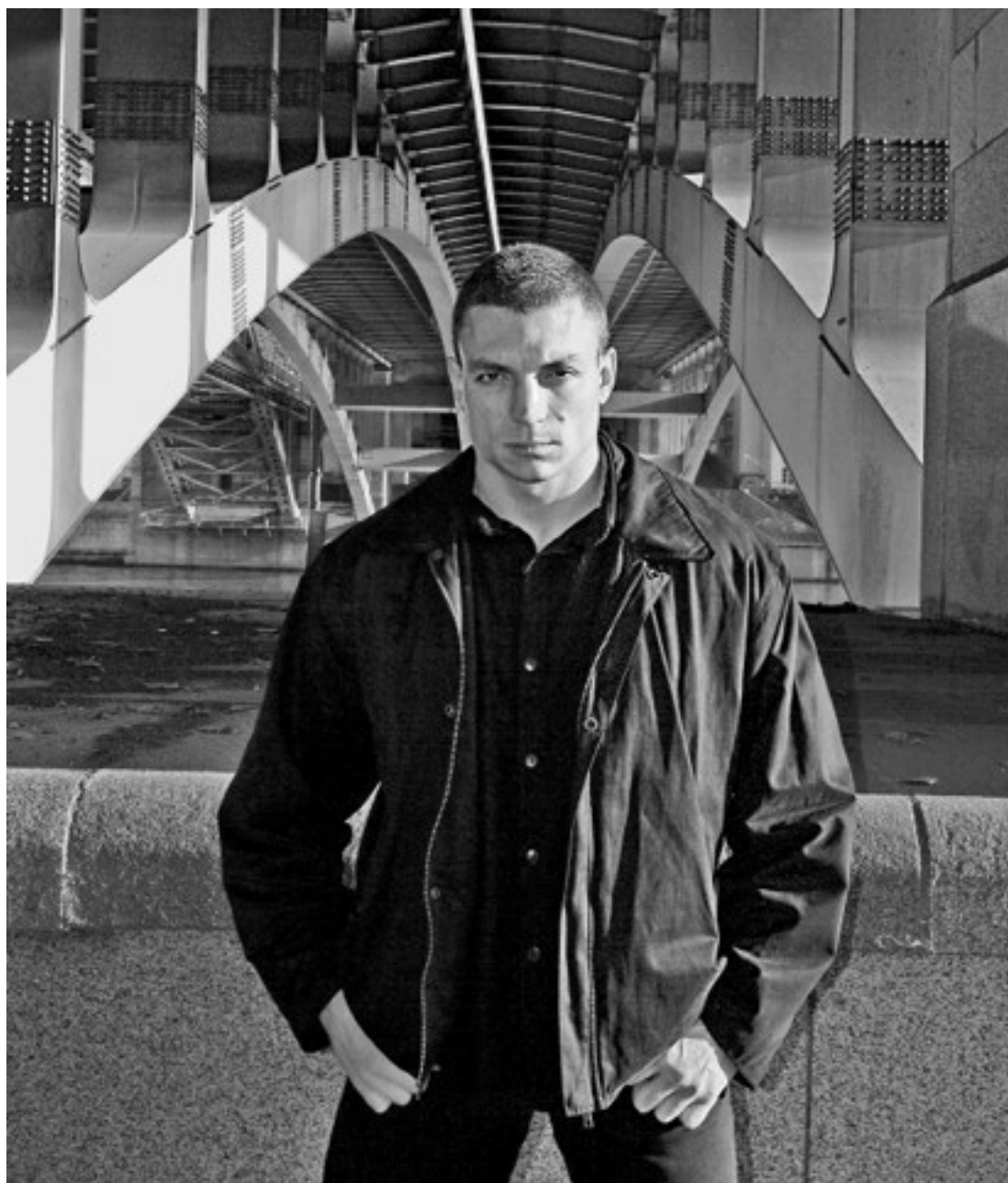

Сергей Сергеевич Тармашев

Электрошок. Внезапно

© Тармашев С.С., 2022

© ООО «Издательство АСТ», 2022

26 октября 2072 года, Московская область, тренировочный полигон секретного Центра подготовки войск специального назначения Главного Разведывательного Управления МО РФ, полдень.

Кирпичный макет разбитой снарядами многоэтажки, возведённый в натуральную величину, занимал половину тренировочного сектора, предназначенного для отработки боевых действий в условиях города. Оставшаяся половина сектора была застроена такими же кирпич-

ными макетами строений поменьше, имитируя плотную городскую застройку. Если не принимать во внимание крайне примитивную наружную отделку зданий, порядком раздолбанную пулями и осколками, то сам по себе данный городской квартал был вполне похож на некий кусок современных городских джунглей. Нынешние мегаполисы, воистину захватившие мир, назвать по-другому крайне сложно. Даже родной Архангельск, который Игорь не видел уже лет пять, за двадцать девять лет его жизни оброс небоскрёбами дважды, если не трижды. А про Москву даже говорить не приходится. Когда едешь по городу в такси, а не в подземке, создаётся ощущение, будто стоэтажных высоток в столице больше, чем людей.

Впрочем, Москву Игорь разглядывал лишь дважды, и оба раза из окна такси. И если этот адски вредный инструктор по боевой подготовке от него не отвяжется, то третий раз Москву придётся рассматривать из окна аэроэкспресса, везущего Игоря в аэропорт. Какого чёрта инструктор в него вцепился, словно питбуль в кошку, понять было решительно невозможно. Среди остальных членов сводной учебной группы Игорь не был самым безнадёжным. Да, некоторые молодые офицеры стреляли лучше, но, во-первых, не все, а во-вторых, с горной подготовкой у многих было ещё хуже, чем у Игоря.

Что неудивительно, потому что вся их сводная учебная группа – это военврачи. Военврачи, блин! А не лютые спецназовцы с десятилетним боевым опытом, каким, собственно, и являлся сам злобный инструктор. Из учебной группы Игоря воевать не приходилось никому, да и вряд ли теперь придётся – конфликт в Йемене подходит к завершению, и уже объявлено о сокращении российского воинского контингента, осуществляющего военную помощь одной из враждующих сторон. На африканском континенте и где-то в Азии идут ещё три или четыре мелких войны, но ни в одной из них Россия официально не участвует. Неофициально, конечно же, там хватает таких же вот на всю голову контуженных головорезов из секретных спецназов, как наш разлюбимый инструктор, но до тех пор, пока страна не объявит об официальном вступлении в конфликт, никто этого не признает и простых военных медиков туда отправлять не будут.

Однако инструктора по неким загадочным причинам данный факт ни на какие трезвые мысли не наводил, и все две недели, отпущенные на переподготовку, он гонял Игоря воистину с изощрённым садизмом, намертво цепляясь к каждой мелочи. Из-за чего приходилось проводить на полигоне ежедневно четыре часа сверхурочно. Головореза сие обстоятельство никак не тревожило, он явно воспринимал полигон как воплощение счастья и домой не торопился. Из чего несложно было сделать вывод, что инструктор семьи не имеет. Что вообще никак не удивляло, учитывая его злобный нрав и помешанность на войне. Головорез тратил на муштру Игоря собственное личное время с нескрываемым энтузиазмом дорвавшегося до издевательств маньяка. Какая уж тут семья! Кто поведётся на такого монстра – Игорь бы не отказался взглянуть на такую умалишённую из сугубо профессионального интереса. Глядишь, можно будет переквалифицироваться в психиатры и защитить диссертацию.

Поначалу Игорь было решил, что у инструктора зуб на военврачей после какой-нибудь контузии или тяжёлого ранения, за которым последовали фантомные боли. Но очень быстро выяснилось, что объектом своего педагогического трудолюбия из всей учебной группы сей злобный подполковник выбрал одного лишь Игоря. Всех остальных отстающих он гнобить не забывал, но делал это лишь в отведённые для занятий часы. А вот Игорь с первого и до крайнего дня переподготовки зависал на полигоне до наступления темноты и немного после. И ведь никак не откажешься – это в твоих же интересах... Приходится терпеть и впахивать до седьмого пота, чтобы эти интересы не пошли прахом. А они пойдут, если головорез не поставит ему зачёт без ограничений.

А ведь всё так хорошо начиналось! В родном Архангельске, из которого Игорь по молодости ни разу никуда не выезжал, он окончил школу с неплохими баллами. Не лучше всех, но очень даже неплохо – сыграло на руку увлечение химией, олимпиаду по которой он выиграл.

Мать хотела, чтобы сын стал трейдером и выбрался из нищеты хотя бы сам, но с математикой у Игоря всегда было неважно, а с комбинаторикой и вовсе полный аут. Шансов поступить на трейдера имелось немного, а изучать этот процесс самостоятельно у Игоря интереса не было. Из-за чего мать постоянно на него ругалась. Тогда отец посоветовал поступить в медицинский, причём неожиданно в военный. Сам отец никогда военным не был и в армии не служил, ибо здоровьем не отличался вовсе, но всегда об этом жалел и военные ему очень импонировали.

В итоге Игорь подал документы в лучший медицинский вуз страны, Военно-Медицинскую Академию имени Путина в Санкт-Петербурге. Конкурс туда был совершенно немаленький, но победители олимпиад шли по отдельному конкурсу, было их немного и Игоря зачислили без особых проволочек. Разве что физподготовку он едва не завалил, но кто-то в приёмной комиссии благоразумно счёл, что в процессе службы будущего военврача натаскают бегать и подтягиваться на перекладине в пределах разумного. В конце концов военврач нужен не для этого, от него требуются другие умения. Вот бы ещё головорез-инструктор понимал столь очевидные вещи, а не вот это вот всё!

В общем, спустя шесть лет обучения в ВМА Игорь окончил вполне успешно и столь же успешно прошёл последующий год интернатуры, год войсковой практики и два года ординатуры. В двадцать семь лет в звании капитана он был направлен для дальнейшего прохождения воинской службы под Иркутск, в санчасть одной из дислоцированных там воинских частей. Где и прослужил крайнюю пару лет, после чего принял решение поступать в адъюнктуру, дабы в будущем иметь возможность сделать карьеру выше, чем состояние вечного подполковника, коим в частности является его головорез-инструктор. Который, вместо того чтобы зарабатывать головой, так увлёкся работой руками, что, похоже, не замечает, как проходит жизнь.

Рапорт, поданный Игорем командованию, в котором он изъявлял желание поступить в адъюнктуру, одобрили достаточно быстро. Однако тут в московских верхах в очередной раз сменилось командование, и новая метла начала по-новому мети. Что выразилось в потоке нововведений, одним из которых стало требование к военным медикам, желающим поступить в адъюнктуру: в связи с опытом, накопленным в ходе текущего вооружённого конфликта, каждый соискатель обязан пройти курс боевой переподготовки. Иначе никакой адъюнктуры, мол, военврачи должны быть лучше подготовлены к ведению боевых действий, и соответствующие корректировки уже вносятся в учебный процесс профильных армейских вузов.

Против переподготовки Игорь ничего не имел и подал рапорт с просьбой о направлении на вышеуказанные курсы. В результате его прислали сюда, под Москву, в секретный Центр подготовки спецназа ГРУ МО РФ, недавно вновь переименованного в ГРУ из ГУ, коим оно было ранее. Переподготовка должна была продлиться всего две недели, и Игорь рассчитывал за эти дни в свободное после занятий время покататься по Москве и поглазеть на огромную столицу нашей необъятной. Но не тут-то было. Ибо маньяк в подполковничьих погонах, назначенный инструктором по боевой подготовке в их сводную учебную группу, с первого же занятия принялся муштровать Игоря с утра до ночи.

Началось всё с того, что во время боевых стрельб Игорь показал довольно посредственный результат. Отдельно стоит подчеркнуть, что посредственный – это не хуже всех. Но маньяк-головорез докопался именно до него. И с того момента всё и вся на учебных занятиях демонстрировалось и отрабатывалось инструктором исключительно на примере Игоря. За первые пять дней Игорь выпустил патронов больше, чем за всю свою армейскую карьеру, включая Военно-Медицинскую Академию. Когда занятия заканчивались, инструктор отпускал воссоединиться всю группу, кроме Игоря, и гнал его обратно на полигон, запуская по огневым рубежам и полосе препятствий в качестве наказания за допущенные промахи. Отдыхать Игоря злобный подпол отпускал только после двадцати ноль-ноль, и то обстоятельство, что оба они оставались без обеда, маньяка несколько не беспокоило.

– Заткнись, капитан, – лениво цедил сквозь зубы инструктор в ответ на попытки Игоря с медицинской точки зрения объяснить ему вред подобного графика приёмов пищи. – У тебя нет времени жрать, тебе дано всего две недели на то, что нормальные люди отрабатывают годами. Иначе не получишь свой сраный зачёт. На исходную! Бегом марш!

Приходилось терпеть. И заодно приучиться всегда держать встроенную в тактическую разгрузку флягу заново наполненной. Хорошо хоть тренировать Игоря терпеть жажду злобному подполку в голову не пришло. И на том спасибо. В общем, к исходу недели Игорь стрелял значительно лучше и грубых ошибок не допускал. Но это маньяку показалось то ли слишком мало, то ли слишком быстро, и с понедельника его пытливый ум нашёл новый способ душить своего любимого ученика.

– Даю вводную! – Инструктор бесцеремонно отобрал у Игоря автомат, выхватил нож и несколькими ударами рукояти сбил с оружия сначала коллиматорный, а затем и электронный прицелы. – В ходе боя электронные прицельные устройства накрыло потоком осколков, в результате чего они были полностью уничтожены.

С этими словами инструктор красноречиво пнул лежащие на земле прицелы, отправляя их куда-то подальше. Судя по удивлённым физиономиям учебной группы, не только Игорь офигел от этой его выходки. Прицелы реально разбились от ударов, и маньяк-головорез даже не потрудился подобрать и сдать на склад РАВ казённое имущество, как положено.

– Ваше подразделение находится в окружении, ЗИПы отсутствуют, запасные прицелы взять неоткуда, – продолжил злобный подпол, буравя Игоря пронзительным взглядом, будто размышлял, а не вклеить ли бестолковому бойцу затрещину. – Поэтому дальше вести огонь тебе придётся при помощи механических прицельных приспособлений. Капитан медицинской службы Лесников! К бою!

Через механический прицел в две тысячи семьдесят втором году стреляют только идиоты, киногерои и ещё, быть может, какие-нибудь стендовики по тарелочкам. Для всех остальных научно-технический прогресс создал широкий выбор электронно-оптических прицельных приспособлений, обеспечивающий гораздо более высокую скорость прицеливания и точность попадания. Неудивительно, что с первого раза Игорь поразить мишень не смог. Автомат оказался не пристрелян по механическим прицельным приспособлениям, и ему пришлось сперва выслушать лекцию на тему ручной пристрелки оружия, а затем остаться после занятий для отработки данного умения. И всех прочих. С того дня Игорь стрелял посредством мушки и целика, причём единственный из всей сводной учебной группы. Остальным повезло больше.

Но самое главное разочарование ожидало его за трое суток до окончания обучения. В тот день их группа приступила к отработке элементов альпинистской подготовки: простейшие спуск и подъём по фасаду разбитого высотного здания. Краткий курс данной подготовки являлся ознакомительным и включал в себя отработку базовых навыков: надевание и правильная подгонка снаряжения, работу с основными рабочими приспособлениями, несложный спуск с высоты десятого этажа и относительно несложный подъём на высоту пятого этажа. Сразу же выяснилось два момента: что ни у кого в сводной группе подобного опыта нет и что Игорь несколько побаивается высоты.

Второе злобному подполку оказалось гораздо ближе к сердцу, нежели первое. Три дня он гонял Игоря по фасаду учебной многоэтажки вверх-вниз, не забывая в сверхурочные часы запускать его на огневой рубеж и на полосу препятствий в качестве наказания за допущенные ошибки. Но это было ещё не всё. В полдень субботы, когда курс спецподготовки подошёл к концу, на торжественном построении сводной учебной группы все получили зачёт и соответствующие электронные документы. Кроме Игоря.

– Капитан медицинской службы Лесников зачёт не сдал! – счастливо-злобным тоном объявил головорез. – Остальных поздравляю с окончанием обучения и желаю успешной службы. Все прочие файлы получите в штабе Спеццентра. Господа офицеры! Все свободны!

– Как это – не сдал?!! – опешил Игорь, не сразу поверив своим ушам. – Товарищ подполковник! Курс переподготовки завершён, что значит «не сдал»?!! Это что, очередной прикол, блин?!!

– Ты испытываешь чрезмерный страх, когда спускаешься с высоты по тросу, – на этот раз тон злобного подпола нёс нотки утомления. – И стрельбу через механический прицел в движении тебе необходимо отработать дополнительно, мажешь слишком часто. Так что завтра в девять ноль-ноль жду тебя на полигоне. Даю тебе три дня на всё про всё, капитан! В среду пересдача. Свободен!

Это было уже слишком, и Игорь пошёл в штаб Спеццентра жаловаться на вконец обнаглевшего подполковника. Однако в штабе его ожидало разочарование. И довольно неожиданное объяснение.

– Повлиять на решение вашего инструктора я не могу, товарищ капитан. – Замначальника Спеццентра даже не скрывал унылой гримасы. – Этот офицер у нас временно. Его прислали сюда на период реабилитационного восстановления после ранения. Прямой приказом сверху. Фактически он подчиняется нам сугубо номинально. К тому же работу свою делает очень хорошо, с исключительной самоотдачей и использованием собственного богатого боевого опыта. Что я должен поставить ему в вину? Вашу боязнь высоты? Поломку прицелов? По этому поводу мы проведём разбирательства, но это никак не относится к вашей несдаче зачёта. Что ещё я могу ему вменить? Сверхурочную работу по вашей подготовке за счёт собственного личного времени?

– Демонстративное предвзятое отношение! – Игорь попытался возмутиться. – Один из ваших офицеров по секрету сообщил мне, что этот инструктор всегда цепляется к светлоглазым!

– Во-первых, не к светлоглазым, а к светлоглазым и светловолосым одновременно, – со вздохом терпеливого учителя поправил его замначальника Спеццентра. – Во-вторых, тот, кто вам сообщил это по секрету, готов заявить об этом официально?

– Не готов... – Игорь насупился. – Он сразу об этом сказал...

– Тогда о чём речь? – Вопрос старшего офицера являлся сугубо риторическим. – Послушайте, Игорь... – замначальника скосил угольно-чёрные глаза на занимающий половину стены кабинета встроенный монитор, одно из окон которого в настоящий момент демонстрировало личное дело Игоря, – Олегович. Предлагаю самый простой способ решения вашей проблемы: задержитесь у нас на эти трое суток, соответствующие распоряжения интендантской службе я дам. Потренируетесь, это никогда не лишне, вам ли не знать, вы же военврач! И в среду сдадите зачёт. Уверен, ваш инструктор прекрасно понимает, что уехать от нас без диплома вы не можете. Со своей стороны обещаю провести с ним беседу. Не думаю, что вы рискуете не сдать что-либо в среду. Мы поняли друг друга, товарищ капитан?

Выхода не было, пришлось согласиться. Последующие трое суток Игорь с девяти утра и до девяти вечера тренировался проводить пристрелку механических прицельных приспособлений подручными средствами, стрелял с механики и лазал по фасаду высоты на десятый этаж и обратно, попутно делая забеги по тактической полосе препятствий, имитирующей то город, то зелёнку. К моменту отхода ко сну руки-ноги едва шевелились, и он едва ли не мгновенно проваливался в сон с мыслью, что в среду, если злобный подпол устроит ему ещё какое-нибудь издевательство, Игорь его точно убьёт. Если сможет. Потому что головорез-инструктор здоровенный жлоб. Бьёт и стреляет очень быстро, даже странно для его возраста. По идее ему давно за сорок, скорость должна падать в такие лета, а за ним не угнаться...

Казалось, что эти трое суток никогда не закончатся. Но сегодня наконец-то настала среда, и из своего кубрика в офицерском общежитии Спеццентра Игорь выходил, обуреваемый подозрениями и ожиданиями очередного подвоха. Первые тревожные признаки обнаружились в первую же минуту экзамена: ровно в девять ноль-ноль Игорь стоял на огневом рубеже в пол-

ном боевом, но маньяка-инструктора нигде не было. Обычно злобный подпол обнаруживался здесь заранее. Выждав пару минут, Игорь вышел в радиоэфир и попытался вызвать головуреза по рации:

– Тринадцатый, Тринадцатый, я – Йод, приём!

Позывной у маньяка был ещё тот. Только целиком странный на всю неоднократно контуженную голову человек может взять себе такой позывной. Игорь никогда особо суеверным не был, но со смертью не шутят и назваться приносящим несчастье числом он точно бы не рискнул. И вряд ли кто-то бы не понял. А вот есть ли кто-то, кто понял злобного подпола, – это очень большой вопрос! Как он вообще до сих пор жив с таким позывным, да ещё спустя десять лет постоянных войн? Наверное, потому, что приносит несчастье всем вокруг!

– Я – Тринадцатый, – радиоэфир откликнулся знакомым злобным голосом. – Я на крыше высотки. Жду тебя с секундомером в руках. Как принял меня, Йод?

– Принял, – вздохнул Игорь, направляясь в сторону тактического сектора.

Он был уверен, что без финального издевательства напоследок не обойдётся. Так и вышло. Макет высотки насчитывает шестнадцать этажей. До сих пор ему приходилось лазать по стене только на десятый. Но в день экзамена задача внезапно усложнилась. Вообще не удивляет! Игорь уже не сомневается, что это не единственное усложнение.

В секторе городского боя было пусто, занятия не проводились по причине отсутствия занимающихся. Предыдущие учебные группы, в одну из которых входил Игорь, окончили курс переподготовки и разъехались, следующие начнут прибывать к воскресенью. Восстановительные работы в секторе завершились вчера, и Игорь надеялся, что многочисленные видеодатчики, которыми напичкан сектор, не отключили на эти дни. Иначе сложно будет доказать, что он сдал зачёт, если злобному головурезу опять что-то не понравится.

Инструктора Игорь заметил сразу, едва приблизился к высотке на полсотню метров. Подполковник стоял на крыше и смотрел на него сверху вниз, видимо, с такой высоты он видел приближающегося Игоря издалека. Судя по снаряжению, сам головурез тоже влезал на крышу при помощи альпинистского снаряжения. А ведь мог бы, как нормальный человек, спокойно забраться пешком по лестнице. Это хоть и напряжно, но уж точно не так геморно, как лезть шестнадцать этажей по фасаду. Нет, он однозначно ненормальный, это точно. Едва добравшись до подножия высотки, Игорь услышал в эфире до боли знакомое:

– Йод, время пошло!

Взбираться вверх по стене было уже не в новинку, но стоило неосторожно бросить взгляд вниз и увидеть под собой пропасть, тут же накатывали страх и головокружение. Приходилось замирать, успокаиваться и только после этого возобновлять подъём. Игорь тщательно следил за тем, чтобы смотреть исключительно вверх или прямо перед собой, но время от времени взгляд всё равно натывался на пропасть, если было необходимо снять с подвески очередной френд или пневмопистолет для перезаякоривания пневмо-кошки. В этот момент резкий приступ страха возвращался, и вновь приходилось успокаивать взвинченные нервы, замерев и закрыв глаза.

По собственным ощущениям, до крыши Игорь добирался целую вечность. Судя по сонному взгляду маньяка-инструктора, вдвое дольше. Увидев появившуюся над верхним обрезом стены голову Игоря, головурез впери в него свой злобно-пронзительный взгляд и неожиданно подал руку. Подполковник молча затащил его на крышу и без каких-либо эмоций заявил:

– В норматив ты не уложился дважды. Но хотя бы залез, это уже хорошо.

Он указал на лежащий неподалёку автомат и перевёл руку в сторону улицы, указывая на едва виднеющиеся вдали мишени:

– Три цели. Одна на крыше ближайшего здания, вторая в окне пятого этажа здания слева, третья – у подножия здания справа. Задача: поразить каждую цель минимум двумя патронами. У тебя один неполный магазин. Действуй.

Пытаясь отдышаться на ходу, Игорь побрёл к лежащему автомату, на ходу обдумывая полученную задачу и пытаясь определить, в чём подвох. В том, что подвох есть, зная злого подпола, сомневаться не приходилось. Может, «один неполный магазин» – это как раз ровно шесть патронов? Игорь поднял оружие и первым делом отсоединил магазин, проверяя боезапас. Вообще в наше время на вооружении стоят отличные образцы стрелкового оружия, напичканные сложными электронными системами, надёжными и хорошо экранированными. Такое оружие редко промахивается, и по стоячим мишеням на дистанциях до шестисот метров оно однозначно попадёт.

Точнее, попало бы. Если бы имелось. Потому что их сводную учебную группу злобный инструктор с самого начала вооружил старыми автоматами Калашникова, выпущенными полвека назад. Автоматы эти были оборудованы навесными электронными прицелами, отлично показывающими себя в любую погоду и время суток, но само оружие по своим ТТХ значительно уступало современным образцам. В настоящее время оно уже не использовалось и хранилось на складах РАВ воинских частей исключительно на случай массированного применения противником ЭМИ-боеприпасов. Теоретически такое возможно.

Практически же – очень вряд ли, потому что, во-первых, электроника боевого стрелкового оружия действительно хорошо экранирована, и чтобы её пробить, потребуется немалое количество ЭМИ-боеприпасов. Во-вторых, у противника с электронной начинкой дела обстоят ничуть не хуже. Иными словами, никто из воюющих сторон не заинтересован в подавлении электроники в крупных масштабах, а мелкое подавление экранирование обычно выдерживает. Но на всякий случай старое оружие ещё хранится. Им обычно вооружены небоевые и учебные подразделения, которые за год службы держат оружие в руках только на парадных построениях. Ни о каких стрельбах из данного антиквариата, как правило, речь не идёт.

Естественно, автомат, который головорез приготовил для Игоря, был старой модели и без всякой электроники. К счастью, точно такой же, как тот, с которым он страдает восемнадцатый день кряду. И в магазине у него было полтора десятка патронов. Если стрелять одиночными прицельно, то поразить мишени даже на таком расстоянии можно. Значит, у этого автомата сбит прицел. Игорь зарядил оружие, принял стойку для стрельбы с колена и произвёл одиночный выстрел в самую лёгкую из мишеней. Как и ожидалось, пуля прошла мимо, да ещё так, что он даже не понял, где именно.

Пришлось пристреливать оружие прямо на крыше, применяя в качестве мушкетёра альпинистский молоток. На пристрелку ушёл десяток патронов, и Игорь понял, что на поражение мишеней у него их осталось ровно шесть. То есть мазать нельзя, а мишени расставлены на разных дистанциях, и поправки для правильного прицеливания придётся делать в уме самостоятельно. В итоге он перенервничал и ошибся, залепив первый же выстрел мимо цели. Хорошо хоть пуля ударила в кирпичную стену рядом с мишенью, и вторым выстрелом Игорь цель всё-таки поразил. Из-за фатального промаха на него накатила апатия и стало пофиг. Как ни странно, в условиях отсутствия нервозности голова соображала спокойно и без ошибок. Оставшиеся обе мишени он поразил неплохо, после чего инструктор придумал ему очередную издёвку:

– Третий экзаменационный вопрос: ориентирование на местности. Итак, ты попал под удар ЭМИ-боеприпаса противника. От врагов ты при помощи механического прицела с горем пополам отбил, теперь тебе предстоит покинуть район боевых действий и выйти к своим. Электронный компас, который входит в комплект твоего снаряжения, не работает. Навигатор тем более. Покажи мне, где сейчас север.

– Ну... солнце восходит на востоке и идёт на запад, – бодро ответил Игорь. – Значит, север находится... эээ...

Он поднял голову, уставился на зависшее над головой небо и умолк, не понимая, а откуда же, собственно, двигается солнце и куда именно.

– Кажется... мох растёт на деревьях с северной стороны... – неуверенно произнёс он, переводя взгляд на инструктора и шуря ослеплённые солнцем глаза.

– Ты видишь рядом дерево, да ещё и поросшее мхом? – Злобный подпол заозирался, окидывая взглядом крышу шестнадцатэтажки. – Ладно, я упрощу тебе задачу!

Головорез снял с руки свой воч и протянул Игорю. Вблизи оказалось, что это были примитивные наручные часы в противоударном исполнении. Механические, с толстыми стрелками и крутилкой для подзавода. Через толстое бронированное стекло виднелась нанесённая на циферблат надпись: «Командирские». На обратной стороне часов на корпусе было выгравировано: «Капитану Алексею Тринадцатому за мужество и героизм, проявленные при уничтожении пиратов. Сомали. 2032 г.» Отцовские, видимо. То есть кровожадность у злобного подпола – это семейное.

– Предположим, что ты не чайник, и потому у тебя имеется механический хронометр, – иронически заявил инструктор. – Найди север с его помощью.

– Ну... – Игорь вертел в руках часы головореза, пытаясь отыскать, где именно в них встроен компас, но такового нигде не оказалось. – Как я найду этот север, если здесь компаса нет?! Это что, очередной прикол?!

– Очередной прикол – это половой акт между твоими родителями двадцать девять лет назад без средств контрацепции.

Злобный подпол вздохнул с таким видом, будто его самая тяжёлая беда всей жизни заключается в законодательном запрете на убийство всех подряд.

– Объясняю один раз, запоминай, чтобы потом не пришлось жалеть, – зло процедил он, глядя на Игоря с нескрываемым желанием врезать бестолковому горе-офицеру как следует. Головорез забрал у него часы, положил на ладонь и продолжил:

– Направляешь часовую стрелку на солнце. Это первый луч. Далее мысленно проводишь второй луч из центра циферблата к цифре «1», словно дополнительную стрелку. Между этими двумя лучами получаешь угол. Делишь этот угол ровно пополам третьим воображаемым лучом, то есть биссектрисой для умных. Данный луч-биссектриса всегда указывает на юг. Соответственно её продолжение в противоположную сторону будет указывать на север. Учти, что в этом процессе не стоит путать, какой именно угол нужно делить. До часа дня делится дуга, которую часовая стрелка ещё не прошла до цифры «один». После часа дня делится дуга, которую часовая стрелка уже прошла после цифры «один». Надо быть совсем без мозгов, чтобы этого не запомнить, но на всякий случай учти простое правило: до часа дня юг всегда будет справа, после часа дня – слева. Не знаю, доступен ли этот способ идиотам, но дети точно справляются, это неоднократно проверено.

Злобный подпол всучил Игорю часы:

– А теперь найди мне север!

– Часовую стрелку на солнце... – Игорь посмотрел на солнце сквозь пальцы сомкнутой руки, подражая головорезу. Так действительно оказалось проще определить, где именно находится слепящий глаза солнечный диск. – Так... солнце вот... Направляю на него часовую стрелку... – Он прокрутил часы на ладони, выравнивая часовую стрелку точно по светилу. – Вот тут единица на циферблате... сейчас полтретьего, то есть больше полудня... Значит, угол между часовой стрелкой и единицей находится слева... Провожу биссектрису... Готово!

Он протянул руку в сторону полученного направления:

– Север там!

– Там юг, debil. – Злобный подпол утомлённо вздохнул. – Ты нашёл направление на юг. У тебя проблемы с чем, с памятью или со слухом, военврач?!

– Виноват! – хмуро поправился Игорь. – Забыл. Биссектриса указывает на юг, стало быть, – он развернулся на сто восемьдесят градусов, – север там!

– В целом правильно. – Инструктор забрал у него часы. – На самом деле север на пять градусов левее, ты с непривычки ошибся, когда разворачивался. Но натаскаешься быстро, если потребуется. Способ не предельно точный, но вкупе с внешними признаками вполне выручит: мох на деревьях, на которых он есть, действительно растёт с северной стороны. Так же как древесный гриб. Смола хвойных деревьев гуще течёт по южной стороне, к ней же прилепляются муравейники, если таковые имеются у подножия дерева. В целом южная сторона древесной кроны заметно гуще северной. На юг летом тянутся травы, если они более-менее высокие, и так далее. Полярная звезда находится на севере, но это ночью и без облаков. Ждать ночи не будем, ты всё равно на данном этапе слишком бестолков, чтобы разучивать ориентирование по звёздному куполу или луне.

Злобный подпол нацепил свои допотопные часы себе на руку и объявил, не скрывая усталого удовлетворения:

– Экзамены закончены. Стрелять ты кое-как научился, если что, сразу не пропадёшь. На крышу высотки с горем пополам взлезть сможешь. На местности без электроники сориентируешься, если у тебя будут механические часы. Которых у тебя нет. Итак, подведём итог: огневая подготовка – удовлетворительно, альпинистская подготовка – неудовлетворительно, ориентирование – отвратительно. И это не считая того, что ты всё забудешь, как только я поставлю тебе зачёт, который ты на самом деле не сдал.

Он сделал паузу и принялся буравить Игоря своим вечно злобным взглядом. Лучшим решением Игорь счёл молча дожидаться продолжения его монолога, вследствие чего несколько секунд не проронил ни слова.

– По-хорошему, – маньяк, похоже, оказался удовлетворён молчанием ученика, – тебя стоит отправить на ещё одну пересдачу. Но я скоро ухожу в отпуск, так что предлагаю тебе следующее: я иду на сделку с собственной совестью и ставлю тебе зачёт. Завтра в полдень. После того как ты продемонстрируешь мне надёжные механические часы, противоударные и водонепроницаемые, приобретённые тобой в личную собственность в приличном магазине, а не на бомжовой барахолке.

– Что? – опешил Игорь. – Да нафига они мне сдались?

– Мне наплевать, – злобно ухмыльнулся инструктор. – Чтобы были! Моя задача – обеспечить твою подготовку. Сам ты ориентироваться на местности не умеешь. С нормальными часами, а не с этим вашим электронным дерьмом, у тебя есть какой-никакой шанс. Покупаешь часы – и я ставлю тебе зачёт, который ты не сдал.

– Да никто из моей группы такого не сдавал! – не выдержал Игорь. – Вы просто издеваетесь надо мной! И ещё заставляете потратить собственные деньги на приобретение какой-то фигни! Это незаконно!

– Как хочешь. – Злобный подпол лениво пожал плечами. – Тогда я докладываю начальству, что зачёт ты не сдал, отражаю всё в документах с приложением данных местной телеметрии и ухожу в отпуск. А ты решай этот вопрос сам. Наверняка здешнее начальство пойдёт тебе навстречу. Завтра дадут ход твоему рапорту, который ты напишешь сегодня, на следующий день назначат тебе дату пересдачи у нового инструктора. Но послезавтра будет уже пятница, то есть все графики на эту неделю не изменить, так что пересдавать, пусть даже сугубо номинально, ты будешь уже на следующей неделе. Скорее всего не раньше вторника, потому что понедельник наверняка распланирован. Сам понимаешь – это день тяжёлый.

В инструкторских интонациях зазвучали философские нотки:

– А ведь что-то в этом есть. Поживёшь тут, тебе не привыкать. Поездишь в Москву, согласишься на достопримечательности – не так уж и плохо. Я не думаю, что проблемы со сдачей зачёта по обязательной переподготовке, отражённые в твоём личном деле, как-то повлияют на шанс поступления в адъюнктуру. Вы же военврачи, а не безмозглые нажиматели спусковых крючков, для вас это чистая формальность. Кто будет обращать на это внимание? Разве только

если там у вас конкурс... Но и это не беда – в крайнем случае поступишь через год или два, если в этот раз не пустят. Кто знает, может, к тому времени всю эту ерунду с обязательной переподготовкой уже отменят.

Злобный подпол умолк и продолжил буравить его пронзительным взглядом, словно прикидывал, а не сбросить ли своего ученика с крыши. В том, что он на такое способен, Игорь не сомневался ни секунды и с тревогой замер, настороженно изучая взгляд инструктора. В лучах почти полуденного солнца его глаза, казавшиеся Игорю тёмными, внезапно оказались зелёными и словно набирали яркость вместе с солнечным светом, начиная сиять, словно электрические. От неожиданности Игорь заморгал, и вызванная ярким солнцем галлюцинация пропала.

– Если я сделаю всё, что вы сказали, вы перестанете надо мной издеваться и проставите зачёт, товарищ подполковник? – На всякий случай Игорь решил задать этот вопрос.

Раз здесь работает телеметрия, то потом их разговор можно будет приложить к рапорту в военную прокуратуру, если этот маньяк-убийца его обманет.

– Ты что, плохо слышишь, капитан? – искренне удивился злобный головорез. – Я сам предложил тебе данный выход из положения, двоечник!

– Я согласен, – вздохнул Игорь, прикидывая, сколько может стоить подобный антиквариат. – Завтра в двенадцать ноль-ноль я буду здесь с механическими наручными часами, как вы приказали купить.

В конце концов, быть может, удастся отделаться лёгким испугом и парой длительных поездок туда-сюда: купить часы, показать злобному подполу, получить зачёт и документы, а затем отвезти часы обратно в магазин и оформить возврат по какой-либо причине. Надо только при покупке уточнить, по какой именно причине их можно сдать и вернуть деньги без потерь.

Мгновение инструктор внимательно смотрел Игорю в глаза, потом забросил за спину экзаменационный автомат и устало кивнул:

– Добро! – Он устремил пристальный взгляд куда-то в небеса, словно собирался увидеть там нечто важное, после чего обернулся к Игорю и произнёс непривычно незлобным и усталым тоном: – Удачи, капитан. Она тебе понадобится.

С этими словами головорез коротко разбежался и прыгнул с крыши шестнадцатого этажа. Игорь шагнул к краю и осторожно посмотрел вниз. Страх перед высотой навалился мгновенно, и он инстинктивно опустился на корточки, заставляя себя не отпрянуть назад. Инструктор оказался привязан к динамической верёвке, что не удивляло. Он пролетел в свободном падении этажей восемь, повис на тросе, эффектно спружинив ногами о стену, и едва ли не мгновенно перешёл в режим ускоренного спуска. Спустя несколько секунд головорез стоял на земле и отстёгивался от троса. Закончив, он направился прочь, даже не взглянув на замершего у края крыши Игоря, и вскоре скрылся в переулке между макетами зданий.

Продемонстрированный намёк понять несложно. Игорь был на все сто уверен, что злобный инструктор преследовал сразу две цели: показать ученику, какой тот тюфяк, и дать понять, что, мол, вообще-то это мог быть прыжок с парашютом, так что радуйся, салага, что у нас в программе ещё не было парашютно-десантной подготовки. Игорь недовольно хмыкнул. Не иначе её не было исключительно потому, что высотка шестнадцатиэтажная, а выше на полигоне нету. Здесь полсотни метров, наверняка с такой высоты парашют не раскроется, иначе бы маньяк-головорез обязательно включил бы в программу тренировок и парашютные прыжки. Вот по-любому так! А ещё злобный маньячелло таким способом подначивал его, типа, ну-ка повтори! Но на такой толстый троллинг Игорь не поведётся, он военврач, а не идиот.

Собрав снаряжение, Игорь преспокойно отправился спускаться пешком по лестнице. На десятом этаже два лестничных пролёта отсутствуют, это сделано специально для усложнения учебно-боевых задач, но всё необходимое у него с собой, и лучше спуститься по веревке пять метров, чем пятьдесят!

Задерживаться в опостылевшем Спеццентре не хотелось вообще никак, и уже через час Игорь сидел в вагончике монорельсовой дороги, мчащем его в столицу. Разглядывая проносящиеся мимо многоэтажки бесконечных московских пригородов, он подумал, что из-за повёрнутого на войне инструктора все его планы погулять по Москве пошли прахом. А ведь поначалу он переживал, что не взял с собой в эту командировку гражданскую одежду. Хорошо, что не взял... Так бы и пролежала она в кубрике всё это время, да ещё потом обратно её в самолёте катать. Может, всё-таки рвануть на Красную площадь, поглазеть на Кремль? Или лучше завтра... Вся эта возня с демонстрацией головореза купленных примитивных часов не должна занять весь день. Наверняка в его распоряжении останется часов пять-шесть. Да и сегодня ещё не вечер!

Чтобы сэкономить время, Игорь несильно потряс рукой, чтобы укреплённый на запястье наручный воч выполз из манжеты рукава, и принялся искать в сети адреса специализированных магазинов, продающих альпинистское снаряжение. Вообще воч всегда наручный, других не делают. Потому что это тоже своего рода часы, если по-русски. Но по-русски их никто не называет, ибо не только не модно, но и не отражает в полной мере всех функций и возможностей высокотехнологичного электронного оборудования. Ибо это целый компьютер на запястье.

Строго говоря, у него С-воch. Есть ещё Ай-воch, Х-воch, К-воch и десятка два других. Первая буква обычно зависит от бренда фирмы-производителя, а их полно. У Игоря девайс не особо крутой, зато надёжный, многофункциональный и при этом достаточно бюджетный. С одной беспроводной сети на другую переключается мгновенно, соображает неплохо, сёрфит в инете вполне достойно. И хорошо совмещается с любыми наушниками.

Раньше, лет двадцать назад, вочи выпускались с физическими сим-картами, и это порождало некий список технических проблем. Сейчас всё завязано на цифровые симки, инфа лежит в облаке, и таскать с собой кучу всяких девайсов-гаджетов не требуется. Воч на запястье, беспроводные наушники в ушах, вай-фай повсюду – цивилизация и прогресс рулят! Главное, чтобы экранчик у воча был покрупней, дабы глаза не ломать, и чтобы видео удобно смотрелось. Остальное уже придирки капризных и выпендрёжников. Маниакальную лихорадку, обуявшую мир любителей ультрамодных и статусных вочей, Игорь решительно не понимал. С жира люди бесят, вот и нечем им заняться. Ему бы их проблемы!

К счастью, с покупкой примитивных часов особых проблем не возникло. Что-то похожее обнаружилось в нескольких магазинах антиквариата и в товарах для выживальщиков. Всё либо подержанное, либо с неких «секретных военных складов». Антикварные хронометры стоили безумно дорого, потому что лет пятьдесят-шестьдесят назад были в ходу у очень богатых людей и в ту давнюю пору их понавыпускали из дорогих материалов. Потом настала эпоха вочей, и весь этот дорогостоящий металлолом переключался из ниши элитных продуктов в нишу продуктов антикварных. Потому что механические часы больше нигде не выпускались. К сожалению, по этой причине бюджетных цен на них не имелось, и пришлось отнестись к поискам внимательней.

Отыскать механический хронометр попроще оказалось вполне реально, и подходящий магазин Игорь выбрал ещё до того, как его монорельсовый вагончик прибыл в Москву. За это время он успел переговорить с тремя электронными менеджерами и двумя живыми, и в одном из магазинов ему предложили часы, практически аналогичные тем, что были у злобного подпола. Отзывы помешанных на выживании балбесов о данном товаре в сети были хорошие, а менеджер магазина заверил Игоря, что в случае, если покупатель останется чем-либо недоволен, в течение десяти дней товар можно сдать и получить стопроцентный возврат средств. Так долго Игорь ждать не собирался, часы он вернёт завтра же вечером, поэтому на больно кусающейся цене внимание лучше не концентрировать.

Добираться до магазина проще и быстрее всего было на метро, но, немного поразмыслив, Игорь решил ехать на такси. Сидеть час в набитой хмурыми людьми подземке, путеше-

ствуя по столице, – такое себе занятие. Лучше полтора часа на такси, зато можно полюбоваться на городские виды: заказал маршрут через попадающиеся на пути достопримечательности и едешь себе, радуешься жизни. Погода сегодня хорошая, солнечно, штиль и плюс восемь, даже пальцы в термоперчатках не мёрзли во время лазанья.

Вызванное через приложение такси ожидало у выхода с платформы монорельсового электропоезда, и вскоре Игорь похвалил себя за принятое решение. Поездка выдалась комфортной, автопилот вёл ровно и заботливо сбрасывал скорость, проезжая мимо интересных мест, плотный транспортный поток тёк хоть и небыстро, зато равномерно. В эру цифровых технологий пробок не бывает, машинами управляют автопилоты, они не врезаются, не лихачат и каждую секунду связаны с навигационным диспетчером муниципальной дорожной службы. Частный автотранспорт, конечно, можно водить самостоятельно, но это забава для покатушек за городом, на специально предназначенных для развлекательного вождения платных трассах.

Если же хочешь успеть куда-то вовремя в мегаполисе – включай автопилот. Он обменивается информацией не только с диспетчерской, но и с окружающими автомобилями, в бескрайнем городском потоке тягаться с ним бесполезно. Даже очень обеспеченные люди, которым не жаль платить немалые деньги за разрешение на езду на машине в центральных районах мегаполисов, не крутят руль самостоятельно, поручая это занудное дело автопилоту. Он никогда не устаёт, а ты тем временем можешь поспать или в окно посмотреть.

Поездка через городские джунгли, в которых высотные районы уходили в небо на три-четыре десятка этажей выше, чем в родном Архангельске или служебном Иркутске, прошла настолько увлекательно, что у Игоря даже мышцы в основании шеи затекли, потому что постоянно приходилось держать голову задранной вверх, так смотреть на небоскрёбы было удобнее. К концу поездки он твёрдо решил, что сегодня назад в Спеццентр не поедет. Задерживаться в магазине Игорь не стал. Сделав покупку, он оперативно отыскал через профильное приложение более-менее бюджетный отель относительно недалеко от Кремля и вновь вызвал такси.

Отель оказался здоровенным гостиничным комплексом, полностью занимающим двадцатипятиэтажный небоскрёб на набережной, и обилие перемещающихся плотными группами крикливых азиатов, не понимающих по-русски, объясняло подоплёку его бюджетности. Но шумное китайское соседство волновало Игоря меньше всего. Он снял номер на сутки, швырнул на кровать коробку с купленными часами, выставил на навигаторе воча пеший маршрут до Красной площади и отправился на прогулку, пока не стемнело. Стемнело, к сожалению, быстрее, чем хотелось бы, но до Красной площади он всё равно дотопал. Кремль был уже закрыт для экскурсий, но побродить по его окрестностям, утопающим в неоновом море рекламных 3D-голограмм, названий и огнях расцветенных городских улиц, оказалось довольно увлекательно.

В отель Игорь вернулся ближе к полуночи, наскоро перекусив перед этим в какой-то кафешке, из-за близости к Кремлю оказавшейся не совсем бюджетной. Но искать по пешему навигатору что-то ещё в незнакомых каменных джунглях столицы ночью Игорь не стал. Завтра у него ещё будет время посмотреть на что-нибудь интересное при свете дня. Надо только побыстрее закончить весь этот жутко надоевший рак мозгов со злобным инструктором, и можно будет вздохнуть спокойно. Настроение было отличное, в том числе потому, что завтра наконец-то не надо было вставать ни свет ни заря. Игорь принял душ, поставил будильник воча на девять утра и лёг спать с ощущением окончания тёмной полосы в жизни.

* * *

– Скажи честно, ты ведь специально сделал это?! – Сара, агрессивно уперев руки в грузные бока, сверлила Вениамина возмущённым взглядом. – Ты задумал это заранее! Хотел избавиться от нас на две недели, чтобы оторваться тут в своё удовольствие! Нашёл себе любовницу на стороне, так?! А теперь рассказываешь мне сказки про форс-мажор!

– Сарочка, золотце, что ты такое говоришь! – Вениамин выразительно закатил глаза к потолку. – Как ты могла подумать! Очень ждал этого отпуска, мы уже полгода никуда не выезжали! Обещал дочке ещё в июне, помнишь? Этот звонок из дирекции явился для меня полнейшей таки неожиданностью! Наша школа получила срочный заказ от крупнейшей в стране госкорпорации! Таким людям не отказывают! Это большие деньги, мне заплатят в двойном размере за курс моих эксклюзивных лекций при обычных трудозатратах! Но клиенты не могут ждать, курс плотно расписан на две недели, после этого меня отпустят в отпуск!

– После этого мы уже вернёмся в Москву! – желчно заявила жена. – И ты укажишь на Мальдивы один! Точнее, без нас с дочей! С любовницей, ради которой ты выдумал всю эту фигню с форс-мажором!

– Нет никакой любовницы! – Вениамин всплеснул руками. – Дорогая, почему ты постоянно говоришь об этом?! Чуть что, сразу «любовница»! Разве дал тебе повод?

– Если бы дал повод, нас бы с дочей тут уже не было! – гордо заявила жена. – Точнее, тут бы не было тебя! Только попробуй! Вылетишь из квартиры, как пробка из бутылки! Отсужу у тебя всё! В одних трусах останешься! Посмотрим, как после этого ты будешь нужен своей шлюшке!

– Опять! – Вениамин схватился за голову. – Сара, сколько можно?! Может, хватит?!

– Да пожалуйста! – презрительно отмахнулась жена. – Оставайся! Только потом не обижайся, понял?! Особенно когда я буду заниматься своим женским здоровьем!

– Но, Сара... – начал было Вениамин, пытаясь возмутиться.

Вот эта её манера, чуть что, отказывать ему в исполнении супружеского долга под предлогом лечения всевозможных женских болячек за десять лет семейной жизни достала Вениамина просто позарез. Но возмутиться на этот раз не получилось. В комнату вошла дочка, одетая в ночную пижаму, и ему пришлось прервать свою фразу на полуслове. Десятилетнему ребёнку не стоит присутствовать при обсуждении проблем, таких как эта.

– Мама, что случилось? – Дочь сонно потирала глаза. – Почему вы опять ругаетесь?

– Потому что твой папа сделал нам сюрприз к отпуску! – обличительным тоном провозгласила жена. – У него, видите ли, форс-мажор возник на работе! Поэтому завтра утром мы летим на Мальдивы без него! А он остаётся здесь и потом, когда мы вернёмся, полетит на море без нас!

– Чё, серьёзно? – Дочка нахмурила лоб, словно обдумывая важную мысль. – А можно, пожалуйста, тогда мне с папой ещё раз на море поехать, после того, как мы с тобой вернёмся?

– Что?! – Жена явно ожидала от дочери иной реакции. – Золотце, иди, ложись в кроватку! Сейчас договорю с папой и приду к тебе, посмотрим что-нибудь в сети перед сном! Поищи пока какой-нибудь интересный контент, о'кей?

– О'кей! – согласилась дочка. Она направилась обратно к себе, оборачиваясь на ходу: – Таки мне можно с папой на море или нет?

– Иди, золотце, мы с папой сейчас обсудим это! – Жена ласково выпроводила дочь из гостиной и набросилась на Вениамина с удвоенной желчностью: – Ну?! Возьмёшь дочку с собой?! Или твоя лява не согласится?

– Дорогая, перестань. – Вениамин изо всех сил старался быть кротким. – Нет никакой любовницы, ты же понимаешь! Никуда не поеду без вас, проведу отпуск дома...

– ... потому что твоя шлюшка никуда не поедет с чужим ребёнком! – воодушевлённо закончила за него жена. – Да и ты не рискнёшь показать её дочке!

– Сара... – Вениамин обречённо вздохнул. – Ты же знаешь, что покупать вторую путёвку подряд на Мальдивы очень дорого...

– Так тебе же заплатят в двойном размере! – ехидно сощурилась жена.

– Но это же будет не такая огромная сумма... – Вениамин попытался воззвать к её здравому смыслу. – Путёвка стоит значительно дороже...

– Что, денег пожалел для родной дочери?! – окрысилась Сара. – А как же, – она передразнила его собственные интонации: – «Сейчас не сезон, тур стоит дёшево, поехали в октябре»?!

– Сара... – Вениамин испустил ещё более тяжёлый вздох. – Ты же всё понимаешь...

– Я уже сорок три года Сара! – отрезала жена и презрительно отмахнулась: – Да! Я ВСЁ понимаю! Черт с тобой! Не хочешь с нами – не едь! Оставайся тут и кувыркайся со своей лярвой! Потом только глупых вопросов не задавай!

Она с исполненным презрения видом обернулась и грузно прошествовала в спальню дочери. Вениамин проводил её измученным взглядом и направился к бару, установленному возле встроенного в стену электрокамина, стилизованного под настоящий. Достав початую бутылку коньяка, он наполнил фужер и уселся в кресло с мрачным видом. Эта старая овца порядком его достала.

Да, никто не спорит, у неё есть основание – попался он как-то раз на переписке с любовницей, когда забыл запаролить воч от жены. Эта хитрозадая корова исхитрилась ночью, пока он спал, осторожно расстегнуть ремешок его воча и сняла его с руки. Потом поднесла его воч к его же пальцу, дактилоскопический сенсор считал отпечаток и разблокировал девайс. И Сара до утра читала его приватные чаты. Он, конечно, такого не ожидал, надо было использовать более надёжную систему контроля доступа. Но смысл не в этом, а в том, что проблема уже переросла саму себя!

Потому что это было пять лет назад! Шесть! Сколько можно пилить?! И вообще, она сама виновата! После родов её разнесло втрое, за четыре года могла бы похудеть! Он женился не на такой корове, а на сексуально-аппетитной женщине. Именно на аппетитной, а не на бесконечно жирной! Если бы он заранее знал, что её настолько разнесёт, то ни за что не согласился бы на брак даже по залёту! Выплачивал бы себе преспокойненько материальную помощь ребёнку и жил счастливо!

Особенно сейчас, когда его карьера успешно идёт в гору. Он достаточно известный и успешный преподаватель в бизнес-школе «Сколково», читает собственный курс лекций «Антикризисное управление в компании», пользующийся популярностью в соответствующих кругах. Достойно зарабатывает, имеет хорошие связи, причём и то и другое показывает устойчивую тенденцию к росту! Неудивительно, что руководство бизнес-школы назначило именно его старшим преподавателем учебных проектов, едва в школу за срочной услугой обратился столь маститый и влиятельный клиент. Не в его интересах сейчас отказываться, это крайне контрпродуктивно по отношению к своей карьере! Не говоря уже о деньгах, которые ему заплатят за этот форс-мажор.

Деньги сейчас лишними не будут. Вообще, такая вещь, как деньги, никогда не бывает лишней. Те, кто этого не понимает, редкие идиоты, и их мало. Но именно сейчас имеет смысл дальновидно заполнить свой тайный банковский счёт, о котором жена не знает. Если тяжкий гнёт, который садисты цинично называли семейной жизнью, когда-нибудь дойдёт до развода, у него в офшоре будет лежать круглая сумма, до которой адвокаты жены не дотянутся. И она останется с носом! Даже эту квартиру ей придётся делить с ним пополам. Уж в чём в чём, а в финансовых тонкостях он эксперт! Тут ей не победить, это не подлостью в чужие приватные чаты по ночам залазить, это серьёзный и сложный бизнес!

Но пока до развода не дошло, приходится терпеть её вечный вынос мозга. Особенно угнетает то, что с каждым годом она скандалит всё чаще. Он даже показывал тайно сделанную запись пары таких скандалов психотерапевту. Тот сказал, что так у жены выражается защитная реакция психики: она чувствует, что её возраст и внешний вид не удовлетворяют мужа, и боится от его возможных измен и разрушения семьи, прибегая к превентивным ударам. Ну, или что-то вроде того. Но в силу несовершенства сознания Сара не учитывает, что всё сильнее перегибает палку.

Вениамин сделал очередной глоток коньяка и ухмыльнулся. В силу несовершенства сознания она не учитывает, что выглядит действительно «не очень», зато пилит на «очень 2.0»! А ему сорок два, а не шестьдесят, он импозантный мужчина в расцвете сил, и ему требуется понимающая и женственная леди рядом! Такая, какой сама она была десять лет назад! Может, действительно завести любовницу? В их бизнес-школе есть интересные коллеги женского пола, но заводить служебный роман в его случае контрпродуктивно, потому что слишком на виду. Зато среди учеников время от времени попадаются очень привлекательные девушки! Как правило, при деньгах или по крайней мере не бедствующие. Так что можно избежать чрезмерных расходов. Он обязательно подумает над этим завтра!

А пока нужно продумать линию поведения на утро. Уже понятно, что Сара попытается испортить ему отпуск, навязав поездку на море с дочкой. Доче на Мальдивах нравится, и за две недели отдыха жена внушит ей мысль о том, что она обязательно должна поехать с отцом во второй тур сразу после первого. Таким способом она устроит себе отдых от семейных хлопот. И потратит всё, что он заработает за этот форс-мажор, и даже больше. Необходимо не допустить этого. Поэтому завтра с утра он поедет с ними в аэропорт и лично усадит на рейс. За это время он вымолит у Сары прощение за то, в чём не виноват, и придумает для дочери альтернативу вторичной поездке на море.

Вениамин осушил фужер, достал любимую сигару, налил себе вторую порцию коньяка и принялся думать.

* * *

Слишком тугая тетива скользнула по разжимающимся пальцам, и учебная стрела сорвалась в полёт раньше, чем Ира закончила прицеливание.

– Слишком рано! – Тренер покачала головой, рассматривая её стрелу, воткнувшуюся в основание мишенного щита где-то далеко под мишенью. – Ты даже прикладку толком не выполнила, зачем так торопишься?

– Я не специально. – Ира поморщилась, признавая ошибку. – Лук слишком тугой, пальцы больно с непривычки...

– Предупреждала тебя, не хватайся за лук с натяжением в шестьдесят фунтов, рано тебе ещё! – укоризненно покачала головой тренер. – Думаешь, если два месяца потренировалась на лёгком луке и даже научилась в мишень попадать – то всё, ты стала профи? Я – мастер спорта, и то без конкретной необходимости за шестидесятифунтовый лук не берусь. Зачем?

– Алла Магометовна, я же сказала, что просто хочу попробовать, – попыталась оправдаться Ира. – Мне интересно стало! Я на сайте охотников прочла, что для охоты на дикого зверя в лесу нужен лук на шестьдесят фунтов. Или даже на семьдесят, чтобы тяжёлую охотничью стрелу пускал на шестьдесят метров. Некоторые даже на сто метров кабана убивают!

– Некоторые и Олимпиаду выигрывают, – закивала головой тренер, – и чемпионаты мира. Но чаще на сайтах выигрываются чемпионаты по трёпу языком! Ты что, охотиться собралась? Посреди Москвы? На кабана, наверное, в зоопарке? И вообще, тебе сколько лет?

– Двадцать. – Ира нахмурилась. – Я вам говорила дважды, вы не помните?

– Помню! – многозначительно возразила тренер. – А вот ты, вижу, не помнишь, что я говорила оба раза в ответ! По закону охота и приобретение охотничьего оружия в России разрешаются с двадцати одного года! Так что минимум год можешь даже не думать об охоте и прочих глупых причудах! Тебе даже с этим луком нельзя тренироваться! Попробовала, убедилась, что рано ещё, и хватит! Сдавай этот лук и бери тот, который я тебе рекомендовала!

– Можно, я ещё пару выстрелов сделаю? Алла Магометовна, пожалуйста! – Ира сделала преданное лицо: – Я никому не скажу! Честное слово!

– Кому нужно твоё честное слово, девочка? – Тренер снисходительно усмехнулась и указала рукой под потолок: – Везде камеры! Это лицензированный тир, мы тут не нарушаем закон!

– Ой... – Ира испуганно расширила глаза. – А как же тогда я... ну... стреляла сейчас из этого лука... Вас лицензии за это не лишат? Или вы камеры отключили?

– Камеры может отключить только полиция. – Тренер усмехнулась второй раз. – Которая их никогда не смотрит. Расслабься, всё законно! Просто твой лук настроен на пятьдесят фунтов, а не на шестьдесят. Я тебя обманула. Чтобы ты убедилась, что для тебя и пятьдесят фунтов слишком тяжело! Вон худющая какая!

Алла Магометовна незаметно подмигнула ей одним глазом, типа, ты всё поняла?

– Здесь пятьдесят фунтов? – Ира немедленно подыграла тренеру и внимательно всмотрелась в блоки, словно искала на них некую маркировку: – Блин! Точно! Пятьдесят! Нифига себе, как тяжело его растягивать! Я уже не хочу шестьдесят! А с пятьюдесятью можно ещё пару выстрелов сделать?

– Сделай, – разрешила тренер. – Потом бери рекомендованный лук, и продолжим. – Она посмотрела на наручный воч: – У тебя ещё полчаса. Своё же время тратишь!

Тут она права, ничего не скажешь: денег у Иры хватило только на двенадцатичасовой месячный абонемент, тир коммерческий, недалеко от центра, стоит недёшево. Поэтому ходить на тренировки она старалась три часа в неделю, обычно растягивая это время на три занятия. Совсем негусто, конечно, но лучше, чем ничего. Тренируется она всего лишь третий месяц, и у неё только-только начало что-то получаться, поэтому умнее было бы потратить и без того небольшое время на серьёзную тренировку.

Но выстрелить из шестидесяти фунтов хотя бы раз правильно очень хотелось. В конце концов, именно так она и занялась стрельбой из лука. Начиталась каких-то старых фэнтезийных сказок про храбрых лучниц, и очень захотелось почувствовать себя в сказке хоть немного. В общем, Ира наскребла денег, сколько смогла, и подарила сама себе на день рождения абонемент в тир. Сделать это было непросто, потому что жили они с мамой вдвоём, мама часто болела, и потому зарплата у неё была невелика. Почти всё съедала ипотека, денег всегда не хватало, и Ира подрабатывала тем, что делала в интернете курсовые работы на заказ. На этом особо не разбогатеешь, но наскрести на тир с горем пополам удавалось.

Но речь сейчас не об этом, а о том, что настоящие лучницы из героических сказаний охотились чуть ли не на бизонов и сражались со злодеями, закованными в стальные доспехи. Понятно же, что они стреляли совсем не из женских или детских луков, предназначенных для сражений с прессованным картоном в пятнадцатиметровом тире. Луки у них были боевыми, иногда даже волшебными и, вне всяких сомнений, очень мощными! Поэтому влупить от души из шестидесятифунтового аппарата Ире очень хочется! И даже из семидесятифунтового! Это, конечно, для неё тяжело, но разик-другой-то уж можно! Главное только растяжение мышцы в этот момент не заработать...

Второй выстрел у неё получился удачней первого лишь тем, что выпустить стрелу ей удалось правильно. А вот прицелиться – нет. С непривычки удерживать лук растянутым было слишком тяжело, даже несмотря на то что мощный блочник в момент максимального натяжения сбрасывал семьдесят пять процентов усилия, ощутимо облегчая задачу. Короче говоря, вторая стрела тоже ушла мимо. Попасть в мишень получилось только с третьего раза, пусть коряво, но хоть не промах.

– Достаточно! – подчёркнуто серьёзным тоном подытожила тренер. – Меняй лук, и продолжим тренировку!

После шестидесяти фунтов её прежний двадцатипятифунтовый лук ощущался лёгким, и это ощущение прибавило Ире воодушевления. За год она научится стрелять из него как профи и, как только ей исполнится двадцать один, обязательно перейдёт на стрельбу из настоящего охотничьего лука, что бы там кто ни говорил! На охоту ей ходить, понятное дело, не придётся,

но, может быть, когда-нибудь она сможет позволить себе стрелять на всяких открытых стрельбищах на дальние дистанции. Может быть, даже на соревнованиях!

Воч на запястье с тихим жужжанием завибрировал, отвлекая от очередного выстрела, и Ира осторожно сложилась, в смысле медленно и управляемо спустила тетиву руками без выстрела. Делать плохой выстрел не хотелось, сделать случайно холостой выстрел и тем самым сломать лук – тем более. За это её, быть может, и не выгонят из тира, но заплатить за ремонт лука точно заставят, а денег на это у неё нет.

– Аллю, мама, я слушаю. – Ира коснулась пальцем вибрирующего воча, на экране которого светилась мамина аватарка. – Как ты себя чувствуешь?

Мама опять болела и со вторника лежала дома. У неё были проблемы с сердцем, на этом фоне сильно отекали ноги, и в такие дни она старалась не ходить. Когда позволяла страховка, маму клали в больницу, но её болезнь являлась хронической, и вылечить её было невозможно. После больницы на какое-то время маме становилось лучше, она снова выходила на работу, но со временем ей становилось хуже и всё повторялось. Чтобы не доводить всё до больничной койки, мама, когда ситуация благоприятствовала, старалась брать работу в удалённом формате и в это время лечиться. Но работать удалённо по её профилю получалось не всегда, и зачастую приходилось ездить в офис. После рабочего дня мама приезжала с отёкшими ногами и до утра почти не вставала с кровати. В минувший понедельник в очередной раз произошло то же самое, но ко вторнику отёк не сошёл, и пришлось вызывать врача. Доктор отправил маму на больничный и прописал постельный режим. Теперь она либо спит, либо работает удалённо, если есть работа. Когда Ира выходила из дома, мама спала, и будить её она не стала.

– Мне вроде получше, только ноги как у слона, – во вставленных в ушные раковины каплях наушников голос мамы звучал бодро, с весёлой самоиронией. – А ты где? Разве не на танцах? Я не слышу музыки.

– Занятие только что закончилось, – соврала Ира. – Я сейчас в душ, переоденусь – и домой. Минут через пятнадцать выйду из студии. Тебе что-нибудь купить?

– Хотела заказать лекарства с доставкой, – ответила мама, – но раз ты всё равно мимо аптеки пойдёшь, зайди сама. Я перешлю тебе рецепт. Не придётся оплачивать доставку.

– Хорошо, я зайду. Через час буду дома, нормально?

– Норм! – весело ответила мама. – Давай!

Она отключилась, и Ира вновь растянула тетиву, прицеливаясь. Во избежание ненужных эксцессов пришлось сказать маме, что она записалась на танцы. С тех пор как отца посадили в тюрьму, мама очень болезненно относилась к любому оружию страшнее кухонного ножа. Произошло это одиннадцать лет назад, Ире тогда было девять, и понять ей удалось мало чего, а мать всячески избегала этой темы. Арестовали отца за экстремизм, потому что он был каким-то националистом и убил вместе с кем-то то ли каких-то приезжих, то ли это были не приезжие, а живущие в Москве несколько поколений нерусские, которые избили то ли его, то ли его друзей за то, что те сами были приезжими из Томска.

К статье за экстремизм прибавилась статья за убийство, а потом ещё за хранение оружия, потому что у них дома при обыске полиция нашла гранату. Ира тогда очень испугалась, потому что слышала, сидя с мамой на кухне, как отец с наручниками на руках смеялся на полицейских злобным ненормальным смехом, заявляя сквозь нездоровый хохот, что, мол, вот чего-чего, а гранаты у него точно не было. Была бы – трупов бы было больше. Уж он бы гранату дома покрываться пылью не оставил. Ему, конечно, не поверили, потому что смуглолицый полицейский, который командовал обыском, сказал, что отец всё врёт, потому что не хочет брать на себя дополнительную статью.

Но статью в итоге добавили, отцу вместе с другими экстремистами дали двадцать лет по совокупности, и сидеть ему ещё долго. Маме тогда стоило очень больших трудов убедить банк не лишать их взятой в ипотеку квартиры и предоставить отсрочку. Вроде как отец сказал

ей не тратить деньги на адвокатов и всякие посылки в места лишения свободы, потому что ему всё это не нужно, а им предстоит как-то выживать. С банком удалось договориться, но выплачивать предстоит ещё очень долго, потому что их тридцатилетней ипотеке на тот момент было всего пять лет, именно столько прошло с тех пор, как семья Иры перебралась в Москву из Томска, потому что отцу предложили хорошую работу.

Об отце мама с тех пор говорила мало, в основном что он был человеком хорошим, но доверчивым и эмоциональным, это его и сгубило, потому что связался с плохими людьми. И ещё она очень боялась, что отцовская кровожадность и безрассудный авантюризм передадутся дочери. Поэтому на любые попытки Иры проявлять интерес к спорту и литературе реагировала с большим подозрением. Сразу же проверяла, что за книги собралась читать дочь, и немедленно отменяла все её попытки заняться каким-нибудь ушу или читать злободневную публицистику. Зато ничего не имела против всякой фантастики и фэнтезийных сказок, на которых Ира и выросла. Никакой кровожадности Ирина в себе не ощущала, но про стрельбу из лука рассказывать маме не стоило, это сразу было понятно. Поэтому пришлось соврать про студию танца, так всё будет проще и спокойней.

Закончив тренировку, Ира сдала лук, забрала из ячейки в раздевалке свой самокат и вышла на улицу. Погода сегодня солнечная, на улице плюс восемь и нет ветра, для двадцать шестого октября совсем неплохо, и добираться до дома веселее на самокате, чем на метро. Там она ещё наездится, как только похолодает, то есть уже очень скоро. Ездить в метро ей не нравилось абсолютно: мрачно, душно хоть зимой, хоть летом, кругом невесёлые замороченные люди, а ещё полно приезжих из тёплых стран и регионов, которые могут или язык распутить, или руки. И никакая полиция с камерами тебе ничем не помогут. «Девушка, вас же облапали, а не избили или ограбили. Тут нет состава преступления, только административное наказание в виде штрафа или порицания. Идите своей дорогой, девушка, не мешайте работе полиции, у нас тут хватает забот с по-настоящему серьёзными преступлениями». В общем, неприятно. Особенно когда тебя выпроваживает полицейский, явно являющийся земляком твоего обидчика.

Зато на самокате ей гонять нравилось. Самокат у неё был простенький, без мотора, на обычном педальном приводе: две вертикальные педали располагались параллельно основной станине, как педали спортивного тренажёра степпера или эллипса. Стоишь себе на педалях и давишь их, как ступеньки. Самокат едет. Скорость, конечно, не такая, как у электрического, но точно не медленнее, чем бежать бегом. И совершенно точно комфортней. А ещё самокат складывается, что позволяет брать его с собой хоть в метро, хоть в тир, потому что в сложенном виде он занимает места где-то столько же, сколько хороший скейт.

От тира до своего района Ира добралась за сорок минут. Первый месяц приходилось пользоваться навигатором, потому что ехать по велосипедным дорожкам до Зябликово через два района Москвы совсем не просто, маршрут вообще никак не лёгкий, всюду автомобильные потоки и подземные либо надземные переходы. Но с тех пор она уже успела натаскаться и до своего Орехового проезда доезжала без всяких навигаторов. Жаль, что музыку при этом нельзя слушать, а то можно заслушаться и запросто не услышать сигнала какого-нибудь электровелосипедиста и попасть в довольно болезненную аварию. В остальном всё очень даже здорово.

В аптеке пришлось отстоять небольшую очередь из бабушек-пенсионерок, тоже экономящих на курьерской доставке, и к этому моменту на улице начало смеркаться. Жаль, что скоро зима. Зимой на самокате не погоняешь, колёса на морозе быстро испортятся. Поэтому придётся терпеть метро. А ещё зимой в Москве совсем мало солнечных дней. И смог над городом висит, несмотря на то что весь транспорт давно электрический. Раньше считалось, что смог появляется от автомобильных двигателей. Теперь двигатели электрические, но смог всё равно есть. Его приносит сюда ветром из пригородов, в которые когда-то давно из столицы перевели всё крупное производство, а потом ещё построили много новых заводов. В общем, тогда винили автомобили, теперь винят розу ветров. А смог никуда не делся.

Ира остановилась у дверей своего подъезда и принялась складывать самокат. Пока она занималась этими несложными манипуляциями, биометрический замок считал её лицо и распахнул дверь, запуская внутрь. Старенький лифт понёс её на шестнадцатый этаж, и Ира изучила прогноз погоды на завтра. Вроде как обещают ещё один солнечный день. Это хорошо, завтра можно будет снова покататься. Гонять бы в универ на самокате, но это уже реально далеко. Ехать туда долго, вставать придётся рано, а вот этого совсем никак не хочется. Тогда уж лучше на метро. Это невесело, зато можно спать до семи и выйти в восемь. На лекциях она не спит принципиально, даже если из-за болезни препода или сезонного карантина лекции проводятся дистанционно. Потому что собирается окончить универ с красным дипломом. Специализация у неё не совсем девчачья, телекоммуникационные системы. Зато удалось поступить на бюджет своими силами.

Вообще из-за этой беды с отцом и ипотекой средств на высшее образование у неё не было. Бюджет был её единственным шансом, и пришлось искать такую специальность, куда абитуриенты не рвались толпой. Зато у неё получилось пройти по конкурсу на бесплатное обучение. Но на этом сложности не заканчиваются. Специалистов по её профилю сейчас просто бесконечное количество, найти работу очень сложно, и надо оканчивать вуз с красным дипломом, чтобы претендовать на место в какой-нибудь крупной телекоммуникационной компании. Потому что таких должностей сейчас очень мало, всё везде автоматизированное, за функционированием оборудования следят компьютеры, роль живого оператора сводится к минимуму. В тренде разработчики и администраторы всевозможных приложений, особенно узкопрофессиональных. Но на эти специальности конкурс как раз огромный, запросто на бюджет не попасть.

В этом ничего странного нет, учитывая, что чуть ли не всё вокруг сейчас управляется через приложения. Есть даже специальные приложения, которые управляют другими приложениями, если у тебя их слишком много. Тот же «умный дом» – он ведь у каждого установлен в воче. Свет включить-выключить, бытовую технику запустить, дверь открыть дистанционно, форточку распахнуть для проветривания, получить уведомление от холодильника, что какие-то продукты заканчиваются или где-то срок годности истекает, – да полно всего. Функционал может быть бесконечен в зависимости от версии «умного дома». В старых домах, построенных лет пятьдесят назад, вроде того, в котором живёт Ира, функций меньше, потому что оборудование устанавливалось много позже и его возможности ограничены. В новых современных зданиях оборудование «умного дома» встраивается ещё на этапе строительства, и там возможностей многократно больше.

Не говоря уже о различных торговых, промышленных и прочих организациях. Там у каждой фирмы имеется собственное приложение, предназначенное для сотрудников. У военных и прочих силовиков вообще особенные приложения, секретные и суперзащищённые, в универе по её специальности есть целый курс лекций на эту тему. В общем, современная жизнь состоит из приложений, и всё это постоянно совершенствуется и регулярно обновляется, так что заманчивые вакансии на этом рынке есть всегда. Поэтому обучение стоит дорого и пользуется спросом. Туда без денег простой девчонке попросту не пролезть. Особенно если у тебя отец сидит за экстремизм.

Из-за этого у неё поначалу были проблемы с одноклассниками. В универе половина студентов – это выходцы из тёплых краёв. Вторая половина то ли имеет аналогичные корни, то ли просто не повезло лично Ирине. Потому что она белобрысая, а таких мало, и всем им некомфортно. На её курсе вообще никого, кроме неё, и она среди чернявых сверстников реально как белая ворона. Хоть никаб надевай. К ней и без того часто цепляются, а когда узнают, что у неё отец сидит за убийство их земляков, да ещё по экстремистской статье, то нередко злятся, грубят и норовят напасть. Особенно девушки. Парни ещё как-то ведут себя более-менее сдержанно, хотя и среди них есть очень неприятные субъекты. В основном те, кто пытался с ней флиртовать. Потому что она всем отказывает. А что тут удивительного? У тебя отец из-

за них сел, а ты с ними обнимашками заниматься будешь? Кто-то, наверное, будет. Наверное, это даже нормально по нынешним меркам. Но лично ей неприятно.

Она сидит себе на первой парте, зубрит и никого не трогает. И всё, что ей нужно, это чтобы её тоже не беспокоили. Впрочем, когда приходит пора курсовиков, отношение к ней меняется. Учиться среди однокашников особо никто не любит, и желающих заплатить небольшую сумму за персональную курсовую находится достаточно. Ирина промышляет таким заработком далеко не одна, но в целом работы хватает на всех, универ большой.

Дверной видеозамок щелкнул запорами, зафиксировав выходящую из лифта Иру, распыхнул входную дверь и немедленно запер её у Ирины за спиной.

– Ира, ты почему так долго? – раздался из комнаты мамин голос. – Мне уведомление о погашении рецепта пришло пятнадцать минут назад! У тебя всё норм?

– Да, всё хорошо! – Ирина поставила самокат в угол возле входной двери и принялась разуваться. – В аптеке очередь была, а я покупку заранее оплатила.

Она прошла в единственную комнату их небольшой квартирки, протянула матери пузырёк с таблетками и налила в кружку воды из стоящей на компьютерном столе пластиковой бутылки.

– Ты как? – Ира вручила маме наполненный стакан. – Что-нибудь болит?

– Я в порядке! – Мама бодро улыбнулась. – Даже думала завтра на работу выйти. Но к вечеру почему-то ноги сильнее отекали, чем вчера. Странно, я ведь весь день почти не ходила. Планирую отлежаться ещё один день и послезавтра точно выйду!

Она вытряхнула из пузырёка на ладонь пару капсул и, поморщившись, запила их водой.

– Горькие? – уточнила Ира.

– Нет, – мама вернула ей кружку, – надоели просто!

– Послезавтра – пятница. – Ира поставила кружку на стол. – Может, сразу в понедельник на работу выйдешь? Как раз поправишься за это время.

– Второй больничный за этот месяц, – мама вздохнула, – зарплата совсем маленькой будет. Выйду в пятницу и возьму работу на дом на выходные. Так будет умней. Как твои танцы? Ноги не болят? Дышать трудно не бывает?

– Всё отлично, не переживай! – Ира чмокнула маму в щёку. – Твои болячки мне не передались, мы же проходили обследование, ты же знаешь.

– Я просто так, – улыбнулась ей мать, – уточнила! – Она шуточно сдвинула брови на лоб: – Ну-с! Когда ты мне что-нибудь станцуешь, звезда балета?

– Современного танца, – смеясь, поправила её Ира. – Давай позже, ладно? А то я стесняюсь немного...

Врать в глаза не хотелось, поэтому она с сосредоточенным видом взяла со стола кружку и отправилась на кухню со словами:

– Кружка запачкалась, пойду помою и ещё воды принесу, эта почти закончилась. Я на танцах только-только начала входить во вкус, но у меня пока ещё не очень получается.

– У тебя обязательно получится! – ободряюще заявила ей вслед мама. – Я в твоём возрасте была самой пластичной на курсе!

– Тогда я спокойна! – весело заверила мать Ира.

Она подошла к раковине и поднесла кружку под кран. Электроника открыла воду, немедленно подбирая температуру подающейся струи под оптимальное для мытья нежирной посуды значение, и добавила в поток моющее средство. Ира подумала, что ей, пожалуй, стоит подыскать в сети какой-нибудь модный танец и разучить его на всякий случай. Желательно что-нибудь самое свежее, чтобы мама в этом не особо разбиралась.

Вообще раньше, до того, как отца посадили, она ходила на танцы. С шести лет и до девяти, пока не начались проблемы с деньгами. Так что деревянной её не назовёшь. Время от времени наедине с собой она что-нибудь танцует, если в сети появляются интересные вари-

анты. Чтобы быть похожей на танцовщицу-новичка, этого должно хватить. А там видно будет. Кстати, сегодня в тире, сдавая лук, она узнала, что мощные луки бывают натяжением даже девяносто фунтов! Наверняка лучницы из любимой сказки дырявили вражеских рыцарей из чего-нибудь подобного! Вот бы выстрелить из такого аппарата! Лишь бы только пальцы не оторвались во время прицеливания, всё-таки это почти сорок один килограмм на тетиве держать.

* * *

27 октября 2072 года, Москва, вагон скоростной линии метрополитена Шереметьево – Сколково, 08:10 минут.

Приятный женский голос объявил очередную остановку, и в открывшиеся двери хлынул людской поток. Вениамин скрыл недовольную гримасу и уселся в кресле поудобней. Утренний час пик в разгаре, народу в метро полно, тем более на этой линии. Тут всегда битком. Сидячих мест в его вагоне не осталось ещё три остановки назад, и сейчас толпа начнёт ходить по ногам, если принять слишком вольготную позу. Ездить на метро он не любил, предпочитая такси бизнес-класса, но в таких ситуациях, как сегодня, альтернативы метрополитену по эффективности не было.

С утра он отвёз жену с дочкой в аэропорт на бизнес-такси с комфортом и максимальными удобствами. Автомобильный поток на дорогах был ещё невелик, и до места назначения доехали достаточно быстро. Современное электронное такси вообще очень удобное средство передвижения. Не нужно платить огромные деньги за личное статусное авто, тратиться на водителя, чтобы возился с машиной в случае чего, пока ты уезжаешь с места поломки на такси, нести затраты на обслуживание, сезонные издержки, оплату парковочных абонементов, дорожный пропуск в центральные районы Москвы и тому подобное.

Всё это с успехом заменяет современное такси. Автопилот довезёт тебя куда угодно быстрее, чем любой водитель. Если нужен повышенный комфорт – бери бизнес-класс, там всегда всё вылизано и устроено по высшему классу. Машину можно взять хоть на одну поездку, хоть на один день, хоть на неделю – всё для клиента. И выгодно, кстати. Чем дольше используешь автомобиль, тем дешевле он тебе обходится. Короче: очень удобный сервис.

Но самолёт на Мальдивы улетал в восемь, Сара с дочерью отправились в зону контроля за полчаса до вылета, а на работе Вениамин должен быть к половине девятого, чтобы в девять ноль-ноль приступить к первой лекции во всеоружии. По автомобильным дорогам ему никак не успеть, а покидать аэропорт раньше было контрпродуктивно, он специально провёл с семьёй всё время до вылета, чтобы сгладить конфликт с женой и поднять свой рейтинг в глазах дочери. Поэтому такси как вариант транспорта отпадало, в час пик дороги загружены, и автомобильный поток ползёт хоть и безостановочно, но не очень быстро. Зато, используя метро, он будет в Сколково ровно в восемь тридцать.

Чтобы не омрачать свою тонкую душевную организацию разглядыванием толкающейся толпы и заодно не давать каким-нибудь якобы беременным женщинам или пассажирам с детьми повода потребовать уступить место, Вениамин пару раз стукнул пальцем по экрану суперстатусного и супердорогостоящего воча и закрыл глаза. Электроника послушно прибавила громкости в наушниках, и он продолжил делать вид, что дремлет. Так проще отгораживаться от неприятной толпы и удобней думать о предстоящей работе.

Которая ознаменует новый виток в его карьере, сегодня однозначно знаковый день. Руководство бизнес-школы поручило именно ему вести проект, затребованный наиболее ценным клиентом всероссийского масштаба. В неофициальной переписке с помощником генерального Вениамину прямо намекнули на то, что в случае, если госкорпорация останется довольна финальными проектами своих сотрудников, отправленных на обучение, бизнес-школа получит крупный бонус. А Вениамина ждёт повышение не только репутации, но и уровня оплаты плюс

должность в топ-менеджменте школы. Всем известный её старожил недавно ушёл на покой, и решение о его преемнике пока не принято.

Чтобы поднять свою мотивацию ещё выше, а заодно лишний раз убедиться, что все намёки были поняты им правильно, у Вениамина возникло желание снова прочесть переписку с помощником генерального. Он открыл глаза, тщательно стараясь не смотреть на набившуюся в вагон толпу, и потянулся пальцем к экрану своего воча. Палец уткнулся в виджет часов с цифрами «08:13», под которым располагалась область дактилоскопического датчика, и всё вокруг мгновенно погрузилось в кромешный мрак.

Вагон дёрнулся, словно кто-то лениво нажал на педаль тормоза, но не стал особо напрягаться, и темнота разразилась негодованием. Кто-то то ли не удержался, то ли не держался вообще и потому упал, остальных тряхнуло, заставляя переступать ногами, и Вениамину наступили на обе ступни сразу.

– Э! Шайтан тебя задери! – сквозь шум возмущений раздался агрессивный голос. – Чё за дела, блин?! Вы чё, уроды, картошку, что ли, везёте, нафиг?!!

– Что происходит?! – взвизгнул немолодой женский голос. – Кто-нибудь, нажмите аварийную кнопку! Я ничего не вижу!

Где-то в другом конце вагона заплакал ребёнок, следом немедленно заревели ещё двое, и гвалт в кромешной тьме усилился. Неподальку вспыхнул огонёк зажигалки, и в его неярком свете стало видно, как какой-то мужчина, стоящий у дверей вагона, тычет пальцем в сенсор аварийной связи с диспетчером.

– Не работает нихрена! – Мужчина перешёл с тыканья на удары по сенсору кулаком. – Бесполезно! Он, походу, тоже без питания!

– Разве у него не должно быть какой-нибудь отдельной аварийной линии? – В полумраке возле мужчины с зажигалкой возникло женское лицо. – Может, это не тот сенсор? Кто-нибудь, попробуйте другие кнопки!

В темноте одна за другой вспыхнули с десятков зажигалок, и Вениамин увидел, как люди по всему вагону тычут пальцами во все аварийные сенсоры без какого-либо результата. Встроенные в стены вагона динамики, предназначенные для аварийной связи, не подавали признаков жизни, за окнами растеклась непривычно кромешная темнота.

– Во всём тоннеле свет погас! – Кто-то прислонился к окну лбом, пытаясь увидеть больше. – Поезд останавливается!

Судя по ощущениям, поезд действительно замедлялся, видимо, сработала система аварийного торможения. Вениамин подумал, что без электричества она вряд ли будет работать надёжно и существует угроза столкновения с впереди стоящим составом.

– Мы не врежемся в состав впереди? – его опасения разделял кто-то ещё.

– Дистанция между составами рассчитывается с запасом, – ответили ему без особой уверенности. – Диспетчерская остановила все поезда, как только получила сигнал о нашей аварии.

– А она его получила? – нервно поинтересовалась упитанная дама с ребёнком лет десяти, сразу же напомнив Вениамину жену и дочку. – У нас тут ничего не работает!

– Это неважно! – авторитетно заявил некий знаток. – Раз у нас вырубилось питание, значит, мы выпали из системы! Система видит такое сразу же и немедленно активирует аварийные протоколы! Мы ни в кого не врежемся, и в нас никто не врежется. По закону спасатели должны быть через несколько минут! Нужно позвонить в единую службу спасения!

– Кто-нибудь, позвоните, – раздался недовольный голос, – у меня воч вырубился!

– И у меня! – подхватил его сосед.

Тут же выяснилось, что вочи не работают у всех, и Вениамин, достав свою золотую брендовую зажигалку, осмотрел собственный воч. Девайс не подавал признаков жизни, как у всех остальных.

– Странно... – невольно произнёс он. – Как могло вырубить аккумуляторы? Может, скачок напряжения в сети вызвал разряд всех аккумуляторных ёмкостей?

– Тут нифига не работает, – подытожили из толпы, – у меня фонарик не включается!

Поезд катился ещё секунд двадцать, потом остановился, и все принялись возмущаться активней, потому что время шло, но никаких спасателей видно не было. Минут через десять кто-то начал жаловаться на духоту и нехватку воздуха для комфортного дыхания. К нему тут же присоединилось несколько человек, и у кого-то в толпе возникла ожидаемая мысль:

– Надо выставить окно! Тут же есть молоток, кто-нибудь, используйте его!

Пока толпа решала, а не заставит ли метрополитен потом кого-нибудь за это отвечать, стало видно, что в соседнем вагоне люди тоже вооружились зажигалками и уже выбивают одно из своих окон.

– Камеры не работают, как они узнают, кто именно выбил окно? – подал голос Вениамин, намекая на очевидное. – И вообще, у нас аварийная ситуация! Молоток для этого предназначен! Тут дети задыхаются!

Толпа нашла его заявление логичным, и несколько человек принялись орудовать аварийными молотками. То ли они делали что-то неправильно, то ли так и должно было быть, но избавиться от оконного стекла удалось не сразу. В вагон потянуло сырым прохладным воздухом, и вместе с ним донёсся шум голосов снаружи.

– Что там за люди возле вагонов? – Какая-то женщина вытянула руку с горящей зажигалкой, освещая окно. – Спасатели приехали?

– Осторожней! – нервно одёрнула её ещё какая-то. – Вы мне чуть волосы не подожгли!

Пока обе женщины обменивались упрёками и извинениями, выяснилось, что никаких спасателей нет, это несколько человек из соседнего вагона выбрались на пути. Их пример подстегнул активность толпы. Часть людей полезла наружу через окно, остальные принялись вскрывать двери. Двери удалось открыть, к тому моменту выяснилось, что контактный рельс не под напряжением, и Вениамин поспешил покинуть вагон. Прошло уже минут десять, но ни электричества, ни спасателей не было, и он очень сильно опаздывал на работу. Откуда-то со стороны последних вагонов прибежал человек с горящей зажигалкой в руках и встревоженно воскликнул, коверкая слова с акцентом:

– Кто-нибудь есть доктор? Там человеку плохо, кардиостимулятор не работает!

Толпа зашумела сильнее, кто-то попытался громкими криками привлечь внимание не то спасателей, не то работников станции, но из-за этого лишь усилился всеобщий гвалт. Вениамин понял, что, если ничего не предпринять, он точно провалит сегодняшнюю работу и рискует осложнить карьеру. Конечно, в МЧС или в метрополитене ему выдадут справку о том, что он оказался жертвой аварийной ситуации, но начинать проект со столь статусным заказчиком с опоздания – это не лучший вариант. Тем более для эксперта по кризисным ситуациям. Не самая выгодная самореклама: эксперт по кризисным ситуациям опоздал на знакомство со своими учениками из-за того, что не смог предусмотреть кризисную ситуацию.

– Надо идти по рельсам до ближайшей остановки, – громко заявил он. – Главное не наступать на контактный рельс! Если электричество починят, нас подберут спасатели. Если мы дойдём до платформы раньше, то сэкономим себе время! Никто не знает, как быстро спасатели до нас доберутся! Произошёл сильный электромагнитный скачок, раз все аккумуляторы разрядились! Может быть, спасателям потребуется несколько часов, чтобы нас найти! Мы не знаем, сколько ещё поездов застряло посреди тоннелей, как наш!

– Может, лучше идти назад? – предложил кто-то, но его тут же оборвали:

– Вперёд надо идти! Там станция «Митино», она ближе, мне на ней выходить, я знаю!

Несколько человек из числа тех, у кого имелись зажигалки, направились вперёд, в чёрный зев тоннеля, и Вениамин поспешил присоединиться к ним. Протискиваясь между вагонами и стеной тоннеля, вдоль которой были растянуты угрожающе-чёрные, словно здоровенные хищ-

ные змеи, электрические кабели, было крайне некомфортно. Вокруг мрак, озаряемый тусклым светом зажигалок, по стенам скользят кривые зловещие тени, не добавляющие уверенности, и постоянно кажется, что в следующую секунду дадут электричество, состав продолжит движение и разрежет тебя колёсами. В одиночку, пожалуй, он решился бы на такой поход далеко не сразу, но в толпе не так страшно и при свете зажигалок вполне можно идти, не наступая на контактный рельс.

Идти пришлось дольше, чем ожидал Вениамин. По ощущениям – минут пятнадцать, не меньше. Один из идущих впереди небритых мужчин заявил с акцентом, что они прошли километр, потому что он считает шаги и точно знает. Кто-то из его спутников, тоже кавказской наружности, но без акцента, возразил, усомнившись, что знаток правильно считает шаги в сантиметрах. Они заговорили меж собой на непонятном языке на повышенных тонах, но в эту секунду впереди слабо забрезжил зеленоватый огонёк.

– Свет! – воскликнул Вениамин, ускоряя шаг. – Там, впереди! Это спасатели!

– Он что, один, что ли, собрался весь поезд спасать? – недовольно произнёс бородач без акцента. – Почему он на месте стоит?

Вскоре выяснилось, что никаких спасателей впереди нет. Это кто-то из сотрудников станции с химическим фонарём в руке стоял на рельсах возле платформы, ожидая, что пассажиры застрявших составов самостоятельно выберутся из тоннеля.

– Ты чё здесь стоишь, как столб?! – надвинулся на него бородач с акцентом. – Там людям плохо, кардиостимуляторы отказывают! Где спасатели?

– Аллах знает, где они! – У станционного сотрудника оказались аналогичные акцент и борода, и своего более крупного земляка он никак не испугался. – Электричества нет нигде! Что я сделаю твоему кардиостимулятору? Я не врач! Связи нет, ничего не работает, нас мало и на всех не хватает! Одни наверх побежали, за помощью, другие людей с платформ по стоячему эскалатору выводят, мы с Магометом на рельсах стоим, чтобы хоть какой-то ориентир у вас был! Зачем на меня голос повышаешь, не разобравшись?

– Шайтан! – зло выругался бородач. – У вас тоже вочи не работают?

– Ни у кого не работают! – подтвердил сотрудник станции. – Никто не понимает, как это так, они же на аккумуляторах! Инженер сказал, что это какой-то аварийный электромагнитный скачок.

– Или удар, – многозначительно добавил кавказец без акцента. – Вражеская атака!

– Какая-такая атака, что ты говоришь?! – накинулся на него станционный сотрудник. – Зачем людей пугаешь? Только давки тут не хватало! У нас и так люди на эскалаторе друг другу в темноте по ногам ходят! Поднимайтесь на поверхность, не задерживайтесь! – Он указал на почти незаметную стремянку, установленную на путях неподалёку. – Вентиляция вырубилась, водоотводящие насосы встали, не надо тут стоять! Сейчас спасатели приедут – пойдём больных из составов эвакуировать!

Дослушивать разговор Вениамин не стал. Увидев лестницу, ведущую на платформу, он поспешил покинуть пути и выбрался в погружённый во тьму зал станции. Вдали виднелся силуэт человека с таким же химическим фонарём в руках.

– Сюда! – Силуэт помахал фонарём из стороны в сторону. – Уважаемые! Подходите сюда, здесь эскалатор! Поднимайтесь наверх, выходите на улицу!

Судя по кромешной тьме вокруг, люди, которых отключение электричества застало на платформе, уже покинули метро, а из других тоннелей сюда ещё никто не вышел. Вениамин поспешил к неподвижному эскалатору и принялся подниматься вверх по замершим ступеням, освещая себе путь зажигалкой. Было видно, что недавно здесь прошла толпа: на ступенях валялись какие-то мелкие вещи, затоптанные множеством грязных ног. Там что, дождь на поверхности? Вроде бы обещали солнечную погоду. Не хватало ещё попасть под ливень, пока придётся ждать такси. Его ещё надо как-то вызвать, воч же разряжен. Нужно зайти в какое-нибудь

кафе или торговый центр, пункты беспроводной подзарядки есть везде, но он критически опаздывает! Сколько сейчас времени?!

Подниматься пешком вверх по лестнице было тяжело, мышцы бедра быстро начали болеть, но вверху уже забрезжил дневной свет, и Вениамин предпринял попытку поднажать. В результате к выходу с эскалатора он поднимался, тяжело дыша и едва переставляя горящие от перенапряжения ноги. Несколько человек во главе с бородачами обогнали его, едва не сшибив с ног, и из полутёмного здания метро он выходил в толпе своих попутчиков, которым восхождение по ступенькам тоже далось не бесследно.

Первое, что Вениамин увидел, выйдя на улицу, были замерший автомобильный поток и проезжая часть между машинами, заполненная растерянными людьми. Многие автомобили стояли пустыми, но большая часть пассажиров ещё надеялась на возобновление движения. Никаких спасателей поблизости не было, зато было полно людей, пытающихся найти способ активировать свои вочи. Чуть поодаль, у здания торгового центра, обнаружился не менее растерянный наряд полиции, окружённый парой десятков людей. Вениамин поспешил туда.

– Граждане! – Один из полицейских, повысив голос, повторял один и тот же монолог: – Расходитесь по домам, если вы живёте поблизости! Всем остальным просьба соблюдать спокойствие! Причины отключения электричества сейчас выясняются! Электроснабжение будет восстановлено, как только это станет возможным!

Ничего внятного полицейские не знали, их вочи, рации и прочее оборудование не функционировали, полицейский автомобиль стоял рядом, не подавая признаков жизни. Вся улица, сколько хватало обзора, была заполнена неподвижным транспортом, и где-то в стороне в небо поднимался густой дым пожара. Вениамин вышел из толпы, чтобы разглядеть пожар лучше, и остолбенел. Вдали, где-то внутри микрорайона, половина жилой многоэтажки была разбита вдребезги и охвачена громадным факелом пламени, из которого выпирала хвостовая часть пассажирского самолёта. Лайнер рухнул прямо на жилой квартал! Вдали в ту сторону шло довольно много людей, среди которых мелькала пара бегущих фигур в белых халатах. Ничего похожего на пожарные машины или кареты «скорой помощи» вокруг не было.

– О Аллах! Это же самолёт! – раздался неподалёку знакомый голос, и Вениамин увидел бородачей, с которыми выбирался из метро. – Значит, в небе тоже электричество вырубилось! Я же говорил, это вражеский ЭМИ-удар!

– Молчи лучше, понял? – одёрнул его земляк с акцентом. – Воч не работает, доступа к деньгам нет, к документам тоже! Что без денег делать? Поехали домой, пока ещё один самолёт на голову не упал! Надо велосипеды взять, где тут велопарковка?

Бородачи направились к ближайшему знаку велопаркинга, но там, естественно, было пусто. Как и на пункте выдачи электросамокатов. Толпа, поднявшаяся из метро в числе первых, уже пришла к аналогичному выводу и расхватала все средства передвижения. Без электричества на электрических самокатах и велосипедах можно ехать при помощи ног и педалей, и это всё равно лучше, чем пешком. Вениамин проводил бородачей взглядом и понял сразу две вещи: ни самоката, ни велосипеда он здесь не найдёт. И электричества нет не только в метро. Если падают самолёты, то радиус этой неизвестной катастрофы может быть очень большим. Остаётся надеяться, что его жена с дочкой успели улететь достаточно далеко, чтобы уцелеть.

Добираться до работы нет смысла, тем более что до Сколково отсюда слишком далеко, чтобы идти пешком. Разумнее всего вернуться домой и дожидаться, пока всё это закончится. О том, что произошло, он узнает в числе первых. Его сестра – подполковник полиции, замначальника ОМВД по району Кунцево, в котором оба они, собственно, и проживают. У неё можно будет выяснить подробности и получить нужные справки для предоставления на работу. Так что сейчас необходимо понять, как отсюда добраться до дома. Вениамин по привычке поднёс к глазам воч, собираясь вызвать меню навигатора, и чертыхнулся. Пришлось вернуться к полицейским.

– Господин офицер! – Он, извиняясь, протиснулся через толпу к стражам порядка. – Скажите, как отсюда добраться до Кунцево?

– Кунцево? – Черноглазый лейтенант нахмурил кустистые брови. – А это где?

– На Рублёвском шоссе, – уточнил Вениамин.

– А, на Рублёвском! – Полицейский указал вдоль по заполненной неподвижными машинами улице: – Это Митинская. Пойдёте по ней в ту сторону и выйдете к МКАДу. По МКАДу направо и далее по указателям. Дойдёте до пересечения с Рублёвским шоссе, там спросите, если сами не разберётесь.

– Спасибо! – Вениамин вежливо кивнул. – Далеко дотуда?

– Не знаю, – пожал плечами полицейский. – Километров десять, наверное.

Вениамин поблагодарил его ещё раз, выбрался из толпы и пошёл в указанную сторону прямо по проезжей части, невольно косясь на пылающие развалины многоэтажки и пассажирского лайнера. Наверняка это отключение электричества не дотянулось до самолёта, на котором летит его семья. Самолёты в наше время летают на огромных скоростях, к тому времени их лайнер улетел от Москвы на сотни километров. Лишь бы это действительно не оказалось началом войны, как заявлял тот кавказец. Сейчас нужно первым делом добраться до дома и дожидаться известий от сестры. Он окинул взглядом множество людей, идущих по проезжей части так же, как он сам. По крайней мере, не придётся идти по МКАДу одному. Хорошо хоть с погодой не обманули, сегодня действительно солнечно. Но плюс семь – это для истинного москвича реально прохладно, а он легко одет, из расчёта на такси бизнес-класса. Не простыть бы.

* * *

Глухой удар, сопровождающийся несильным толчком, вывел Анатолия из дремоты, заставляя машинально сгруппироваться. Кажется, мы во что-то врезались. Второй удар, немедленно последовавший сзади, возвестил о том, что некто, в свою очередь, врезался в нас. Анатолий резко обернулся и увидел, что сидящие рядом сослуживцы встают со своих мест, стремясь оценить обстановку.

– Резван! – из передней части салона раздался голос командира. – У нас проблемы?

Их спецавтобус ФСО, предназначенный для перемещения очередной смены охраны от точки сбора в Кремль, остановился посреди улицы, и через тонированные бронестёкла хорошо виднелось здание Белорусского вокзала по правому борту. И обычный для утреннего часа пик плотный автомобильный поток вокруг, который почему-то не двигался. Анатолий увидел, как из машин выходят недовольные пассажиры, присмотрелся и понял, что замерший поток не просто стоит на месте, а по большей части остановился друг об друга. Где-то впереди раздался грохот падающего рекламного стенда, сбитого ударившим в него пассажирским автобусом, и взгляд профессионала немедленно остановился на регулирующих лежащий впереди перекрёсток светофорах. Ни один из них не работал.

– Автобус заглох! – ответил командиру водитель. – Я думал, автопилот вырубило, но у нас вся электроника отключилась! Ничего не работает! Похоже, у всех так! Вокруг никто не едет, сплошные столкновения, выбираться из этой каши будем долго!

– Включай аварийное питание и переходи на ручное управление! – приказал командир. – Врубай сирену с мигалками, выезжай на тротуар, и вперёд! У нас нет времени возиться со всем этим, до смены сорок пять минут!

– Есть, товарищ полковник! – отчеканил водитель, но тут же недоумённо добавил: – Что за шайтан... Аварийное питание не работает... Не отвечает на попытки запуска...

– Товарищ полковник! – окликнули командира сзади. – У меня рация сдохла! Я без связи! И воч отключился! Не понимаю, что за бред, я всё заряжал под завязку, полчаса назад заряд везде был сто процентов!

– У меня тоже! – Сосед Анатолия с хмурой гримасой теребил служебный воч и гарнитуру рации личной связи. – Вся связь сдохла за секунду!

– Вызываем эвакуацию! – решил командир и вышел в эфир: – Центр, ответь Троице! Центр – Троице! Попали в нештатную ситуацию, требуется...

– Товарищ полковник, вас нет в эфире! – Анатолий понял, что не слышит голоса командира в телефонах своей гарнитуры. – Эфир молчит!

– Что за... – Командир тихо чертыхнулся и принялся возиться со средствами связи: – Майор Левитский! Свяжитесь с Центром и запросите эвакуацию!

– Есть! – ответил Анатолий, касаясь укреплённой на ушной раковине гарнитуры.

Но тут же выяснилось, что его рация точно так же не подаёт признаков жизни. Служебный воч вырубился, Анатолий достал из кармана личный воч, заранее отключённый на время смены, но активировать его так и не смог. Ещё через минуту стало ясно, что ни у кого не осталось ни одного функционирующего электроприбора, электросеть автобуса не работает, встроенные в кресла устройства беспроводной зарядки аккумуляторов неактивны.

– Майор Левитский! – Командир хмуро разглядывал в автобусное окно, как застывшая в авариях автомобильная пробка заполняется покидающими машины пассажирами. – Возьмите людей и оцените обстановку! У вас пять минут!

Автобусные двери распахнули вручную при помощи аварийного рычага, и Анатолий с двумя сослуживцами вышел на улицу, разбираться в произошедшем. Там выяснилось, что электричества нет нигде как минимум на расстоянии прямой видимости. Причём вырубилось не только сетевое питание, но и всевозможные аккумуляторы, являющиеся полностью автономными устройствами. Не работало вообще ничего. Белорусский вокзал встал, из его дверей на улицу вытекал плотный людской поток, все пытались понять, что происходит и когда соответствующие службы восстановят подачу электричества. Образовавшаяся вокруг непривычная тишина быстро заполнялась глухим гвалтом голосов, издали слышалась брань южанина, обещающего засудить московских чиновников за то, что в результате отключения автопилота его ультрادرорогое спортивное авто врезалось в здание. Судя по похожим возмущениям, доносившимся с разных сторон, пострадавший был такой далеко не один.

Со стороны вокзала донеслись испуганные крики и истеричные призывы к осторожности, быстро сменившиеся грохотом ударяющейся о препятствие многотонной железной конструкции. Судя по обстановке, на одной из платформ поезд, оставшийся без питания, дошёл по инерции до тупика и врезался, не успев остановиться. Вокруг поднялся гам, из здания вокзала выбегали испуганные люди, требуя непонятно от кого вызвать «скорую» и одновременно сообщая о том, что у них не работают вочи. Дальнейшее выяснение вряд ли даст что-то большее, и Анатолий вернулся в автобус.

– Электричества нигде нет, – доложил он командиру. – Автономная электроника умерла. На вокзале поезд не смог остановиться и врезался в платформу. В каком радиусе пропало питание, непонятно, но в пределах видимости электричества точно нет. Очень похоже на ЭМИ-удар!

– Согласен. – Полковник нахмурился ещё сильнее. – Надеюсь, это не война и следом за ЭМИ-ударом не последует ядерный. – Он окинул взглядом тихо перешёптывающийся автобус: – Господа офицеры! Дальше двигаемся в пешем порядке! Резван, останешься охранять автобус, за тобой пришлют кого-нибудь. Остальным – к машине!

Одетые в штатское сотрудники ФСО покинули автобус, образовали плотную группу и двинулись по тротуару параллельно застывшей автомобильной пробке.

– У кого-нибудь есть механические часы? – идущий впереди командир обернулся.

– У меня дома где-то наградные были, – ответил кто-то. – С собой нет.

– Мои в Кремле, в кабинете. – Полковник поморщился, в который раз стуча пальцем по мёртвому служебному вочу. – Не заводил их уже лет пять. Надо будет по курантам сверить, они полностью механические, их не должно было вырубить. Наверное. – Он повысил голос: – Кто-нибудь знает отсюда короткий путь до Кремля?

Никто ничего дельного не ответил, и Анатолий выразил общую мысль:

– Я по этим районам в Кремль только на колёсах добирался. Думаю, через дворы лучше не идти, там много где перекрыто, если придётся обходить, потеряем время.

– Значит, идём по автомобильному маршруту, – решил полковник. – Так точно дойдём. – Он в который раз поморщился: – Впереди Садовое кольцо, потом Бульварное... быстро не доберёмся. Лишь бы чего похуже не началось...

Спустя несколько минут группа вышла на Садовое кольцо, заполненное замершими автомобилями и идущими меж ними людьми, и Анатолий подумал, что не они одни пытаются добраться до места назначения, придерживаясь автомобильного маршрута. Но проблема большинства пассажиров оказалась в том, что не весь автомобильный маршрут был известен им целиком. Машинами давно уже управляет автопилот, многие даже на права не сдают, ибо незачем. Если ты спишь в машине, пока автопилот везёт тебя на работу утром, и проверяешь свои соцсети, пока автопилот везёт тебя с работы вечером, то вряд ли ты точно представляешь себе весь маршрут следования. Особенно если ездить приходится далеко.

Сейчас это заметно по тому, как растерянные люди спрашивают у прохожих, как добраться до того или иного места. Заметив плотную группу крепких мужчин с военной выправкой, одетых в одинаковые костюмы и куртки, которые целеустремлённо идут куда-то вдоль проезжей части, многие спешили подойти к ним и задать вопрос. Кого-то интересовало, как добраться в определённое место, кто-то был уверен, что они в курсе того, что произошло, и никто не верил, когда полковник, не сбавляя шаг, отвечал, что ничего не знает и ничем помочь не может. Некоторые женщины даже принимались громко и истерично возмущаться, чтобы привлечь внимание прохожих, но связываться с двумя десятками явно непростых мужчин никто не захотел.

Группа двигалась по Садовому кольцу, невольно поглядывая в небо в ожидании появления вражеских ракет, и Анатолий замечал в окнах жилых высотных зданий людей, напряжённо всматривающихся в улицу. Многие из них пытались открыть окна, в старых домах это удавалось, и люди кричали, прося помощи, потому что у них нет электричества, пропала связь и они не могут выйти из квартиры. Но в современных высотных зданиях стены выполнены из мощного непробиваемого стекла, и окон как таковых в них нет. Жилыцы таких апартаментов стучали по толстому стеклу кулаками, били стульями и чем-то ещё, что-то крича, но их голоса слышно не было.

– Повезло, что эта хрень застала меня в автобусе, а не на час раньше, – тихо произнёс кто-то из сослуживцев, бросая взгляд на стеклянную стену ближайшей высотки. – Точно в таком же доме живу...

Едва ли не во всех окнах здания виднелись люди, пытающиеся привлечь к себе внимание: одни просто стучали в стекло и беззвучно кричали, другие пытались выложить на стекле просьбу о помощи клейкими стикерами, кто-то, являющийся обладателем палитры с красками и кистью, нервными мазками писал прямо на стекле: «Помогите! Не могу выйти из...»

– Воздух в системе вентиляции сразу не закончится, – ответил Анатолий. – Если это сбой в электросетях, то успеют починить. Если нет, то управляющая компания взломает двери и всех выпустит. Наверняка у них технический персонал уже на работе. Или на подходе, как мы.

– Надеюсь, ты прав, – задумчиво ответил сослуживец, вновь бросая невольный взгляд на небо. – Аккумуляторы не сдыхают из-за аварии на электросетях.

* * *

Заполонившая подступы к входу в метро толпа быстро увеличивалась. Люди постоянно прибывали, спеша к метро по улицам, и сталкивались с потоком тех, кто, тяжело дыша, вываливался из темноты настежь распахнутых дверей станции. Вокруг становилось всё тесней, и Ира отошла ещё дальше, оказываясь на проезжей части. Если сейчас дадут электричество, то вряд ли машины поедут сразу. Многие столкнулись друг с другом, почти из всех автомобилей вышли пассажиры. Маловероятно, что её задавит машиной, зато тут пока нет давки.

Электричество вырубилось, когда Ира подходила к входу в метрополитен. До дверей оставалось метров двадцать, как вдругдвигающиеся по проезжей части машины начали останавливаться, налетая друг на друга. Сразу никто не понял, что произошло именно отключение электричества. Ира остановилась, изумлённо наблюдая, как едущий неподалёку автомобиль врезался в постамент светофора, замирая, в его задний бампер тут же врезался следующий, в который врезалась ещё одна машина, и это аварийное домино быстро достигло количества в пять машин.

Спешащие в метро прохожие немедленно направили в сторону массовой аварии свои запястья, стремясь заснять на вочи видео произошедшего. И сразу же с недовольными возгласами начали тыкать в сенсорные панели наручных девайсов, возмущаясь столь странным и неожиданным отказом вочей. Ира посмотрела на собственный воч и поняла, что он тоже не работает. Вот тут и выяснилось, что вырубились не только вочи, но и светофоры, автомобили, освещение и вообще всё. Станция метро погрузилась в темноту, и оттуда начали выходить те, кто зашёл внутрь только что. Тут же разнёсся слух, что в метро вырубili свет и эскалаторы встали.

Заходить туда прямо сейчас никакого смысла не было, и Ира решила подождать на улице, пока восстановят энергоснабжение. Сейчас плюс семь, это не особо холодно, и она оделась не сильно тепло, чтобы не париться в подземке. Там ведь везде отопление и вполне комфортно. Дойти от дома до станции и от станции до универа – это недолго, поэтому натягивать на себя семь одежек она не стала, на ходу прохладно не будет. Но вот просто стоять без движения понемногу становится зябко. Как быстро дадут электричество – непонятно, но по ощущениям она стоит здесь уже минут тридцать.

За это время постоянно прибывающая к метро толпа заполнила всю улицу вплоть до проезжей части, на которой вокруг столкнувшихся машин собрались ехавшие в них пассажиры. Ира невольно отметила, что даже не представляла, что здесь может скопиться настолько много людей. Из подземки то и дело выходили те, кто застрял в метро в поездах и выбирался из тоннелей пешком. Многие из них ещё держали в руках зажжённые зажигалки и первым делом спрашивали у толпы, где можно зарядить воч. Кстати, странно, что вочи тоже вырубились. Они же на аккумуляторах, то есть автономные, и от напряжения в электросетях не зависят. Но, несмотря на это, вочи выключились у всех. Вокруг вообще не было ничего электрического, что сохранило бы работоспособность.

Сколько ещё тут стоять, непонятно, многие люди возвращались домой, ругая бесполезные власти и ничего не умеющие коммунальные службы, и Ира тоже решила вернуться. Если дома есть электричество, то она зарядит воч, свяжется с универом, сообщит об аварии и предупредит о своём опоздании. Потом пойдёт к другому метро. Всё равно без работающего воча ей не оплатить проезд и не пройти через турникет. А тут не только зябко, но и того гляди давка начнётся. Люди постоянно прибывают, это спальный район, и их тут бесконечные тысячи, раз всего за полчаса возле метро собралась такая толпа.

Идти обратно было даже как-то веселей. Сегодня в универе лекция у противного препода, чей заунывный картавый голос постоянно нагоняет на неё дремоту. Было бы здорово, если бы

этот сбой в электросетях продлился до обеда и вообще чтобы универ он тоже затронул! Тогда можно будет пропустить картавые занятия с чистой совестью. Потом она найдёт в сети данную тему и выучит её самостоятельно. Зато не так занудно. На этой весёлой ноте Ирина ускорила шаг, разглядывая безоблачное небо, обещающее приятный солнечный день, как вчера. Взгляд скользнул по окнам в изобилии растущих вокруг многоэтажек, и она обратила внимание на множество окон, заполненных смотрящими на улицу встревоженными людьми.

Возле подъезда ближайшего здания собралось десятка два человек, возбуждённо переговаривающихся между собой и постоянно понукающих каких-то людей в рабочих спецовках с логотипами управляющей компании. Рабочих было двое, от них, похоже, требовали сломать какую-то дверь, а те пытались понять, чем именно можно сделать это без электричества. Ира подошла ближе, прислушиваясь, и суть проблемы сразу же проявилась.

Дверными замками же управляет система «умный дом», а без электричества она не работает. Но сами замки при обесточивании всегда остаются в том положении, какое им настраивают на заводе-изготовителе. А на заводе всегда настраивают одинаково: при отключении электричества дверной замок, защищающий частную собственность, например, квартиру, должен оставаться закрытым. Чтобы грабители и прочие преступники не могли проникнуть в квартиру, просто обрезав электрический кабель. Двери же в общественные помещения, например, в подъезды домов, должны, наоборот, при обесточивании оставаться открытыми. Чтобы не усложнять работу спецслужбам, например, пожарным или медикам, если вдруг что-то случилось.

Что случилось сейчас, никто не понимает, но ни выйти из квартир, ни зайти обратно люди не могут. Точнее, не могут те, кто живёт в современных домах, где «умный дом» является частью конструкции. В современных зданиях, если «умный дом» обесточен, дверные замки остаются закрытыми. Их можно легко открыть изнутри при помощи аварийной кнопки, имеющей отдельное аварийное питание. Вот только оно тоже электрическое, и кнопка сейчас не работает. У пожарных и полиции есть специальные устройства, которые позволяют открыть замок извне в экстренном случае, но эти устройства тоже электронные.

Ещё в современных домах в каждой квартире имеется специальное окно для курьерского дрона, который осуществляет доставку на дом различных заказов. Но это окно тоже остаётся закрытым в случае обесточивания. Ирина подумала, что до сих пор не видела в небе ни одного курьерского дрона. Может быть, просто рано ещё, в восемь утра мало кто делает заказы. А может, дроны тоже не работают, как вочи и всё остальное, ведь они электронные и на электромоторах. В общем, люди у подъезда этого дома требуют от рабочих управляющей компании вскрывать двери в квартиры, то ли в свои, то ли в те, откуда люди кричат просьбы о помощи. Надо торопиться домой, там же мама одна в квартире!

Вообще, у них таких проблем не будет. Дом, в котором они живут, старый. Его, как и весь ряд шестнадцатиэтажек, выстроившихся вдоль Орехового проезда, выстроили лет семьдесят назад или вроде того. Говорят, что лет через пять-десять всех их будут расселять, потому что дома отправят под снос, а на их месте выстроят современные здания. Как это было в своё время через дорогу. Когда-то раньше, по рассказам стареньких соседей, там всё было заполнено гаражами. Но лет двадцать назад их снесли подчистую и выстроили громадный спальный район до самых Борисовских прудов, весь состоящий из высотных многоэтажек.

С тех пор тот район стал вдвое больше, сейчас там много новых современных зданий и громадный автоматический логистический центр, откуда дроны доставляют заказы. Мама считает, что нам через десять лет дадут в новом районе новую квартиру, которая будет лучше этой, когда наш дом уйдёт под снос. Главное, чтобы ипотеку не доначислили за новостройку. Мама даже писала запрос в мэрию, и ей ответили, что никаких удорожаний ипотеки не будет, разница в цене финансируется муниципалитетом, это часть программы реновации, и всё такое.

Но всё это будет потом, а сейчас есть один несомненный плюс: их дом слишком старый, он строился тогда, когда об «умном доме» ещё никто не слышал.

Конечно, за эти годы здание несколько раз ремонтировалось и модернизировалось, минимально необходимая электроника была установлена ещё до того, как родители взяли квартиру в ипотеку, и что-то обновлялось где-то за год до папиного ареста. Но полностью электронных замков у них всё равно нет. Замки в старых домах тоже управляются «умным домом» и блокируются в случае обесточивания, но аварийное открытие у них предусмотрено при помощи механического ключа. Правда, только изнутри, чтобы исключить физический взлом силами всяких преступников. Но это затрудняет работу пожарным, и потому старые системы такого рода уже не производятся и в новых зданиях не используются.

Может, в целом оно так, но лично ей старые системы, где надо что-то открыть настоящим железным ключом, нравятся. Есть в них что-то романтическое! У неё даже ртутный термометр есть! В комнате, за окном, на улице. Висит там со времён прежних хозяев квартиры, может быть, уже полвека, кто знает! Он вообще без электричества! Раритет! Мама даже хотела его продать, но Ира упростила оставить термометр на прежнем месте. Вряд ли кто-то заплатит за это старьё сколь-нибудь существенную сумму, зато ей с термометром прикольной. Она часто сверяет по нему температуру на улице с прогнозом в приложении. И никогда данные не совпадают, прогноз почему-то всегда холодней, чем оказывается на самом деле.

В общем, сейчас ей надо добраться до квартиры, постучать погромче, чтобы мама проснулась, достала аварийный ключ и впустила её внутрь. Ирина прибавила шаг, поворачивая в небольшой переулок, чтобы сократить путь, и едва не налетела на двоих мужчин, склонившихся над лежащим посреди дороги курьерским дроном.

«А вот, кстати, и дрон», – отметила Ира. Она только что о них вспоминала. Похоже, дрон отключился прямо в воздухе и упал на дорогу с большой высоты. Возящиеся с ним мужчины пытались вскрыть его грузовой контейнер.

– Он никого не травмировал? – невольно поинтересовалась Ира, разглядывая разлетевшиеся на половину улицы обломки пластиковой обшивки дрона.

Оба мужчины резко отпрянули, торопливо оборачиваясь со злобными лицами, и их чёрные глаза впились в неё с хорошо угадываемой агрессией. Ира испуганно попятилась. Но мужчины, увидев, что перед ними молодая девушка без спутников, заметно расслабились. Один из них заторопился к наполовину вскрытому контейнеру, второй расплылся в улыбку.

– Всё норм! – дружелюбно заявил смуглолицый, картавя слова точь-в-точь как её нелюбимый препод. – Это наш дрон, мы собирались отправить товар клиенту, а тут электричество вырубилось! Решаем эту проблему! Не волнуйтесь, девушка, никто не пострадал! Могу вам чем-нибудь помочь?

– Нет, спасибо, я тороплюсь. – Ира ускорила шаг, боковым зрением замечая, как смуглолицый провожает её подозрительным взглядом. – Хорошо, что никто не пострадал...

Она поспешила отойти подальше, так безопасней. Дрон никак не их, это курьерский дрон службы доставки, от соседнего Торгово-Логистического Центра. Он даже покрашен в цвета ТЛЦ. Эти двое просто грабят его груз. Лучше уйти отсюда поскорей, камеры вокруг не работают, раз электричества нет, воч тоже умер, если что случится, полицию не вызовешь. Да и потом, как доказать, что тебя обидели? Лучше сразу не связываться... Тем более глаза у смуглолицего были какие-то злые. Он ей сразу не понравился. Правда, быть может, он вызвал у неё столь негативную реакцию, потому что картавит как противный препод.

Сейчас картавых вокруг ровно половина, если не больше, и это в порядке вещей. Но именно он и тот препод картавят как-то особенно противно. Ира неожиданно вспомнила, как отец смеялся в лицо полицейскому при обыске. Тот тоже картавил и при этом был по-кавказски черноволосым. Отец, видимо, уже знал, что его посадят на полжизни, и очень обидно поддел тогда полицейского. Кругом, мол, чужие, то картавый, то чернявый, а ты настоящий россиянин

– и чернявый, и картавый одновременно. Полицейский очень разозлился, назвал отца фашистом и пообещал, что сидеть ему долго. Неприятное воспоминание, которое Ира не помнила много лет. Странно, почему оно всплыло в памяти именно сейчас...

До дома она добралась без эксцессов. На Ореховом проезде оказалось на удивление многолюдно, и Ира только сейчас осознала, что здесь проживает ничуть не меньше людей, чем возле метро. Многие из них сейчас возвращаются домой, как она, а ещё большее количество только вышло на улицу и теперь не знает, что делать. Дверь в подъезд, как и следовало ожидать, оказалась открытой, всюду стояли жильцы, и Ира поняла, что не знает и трети тех, кто живёт в её подъезде. Народ возмущался отключением электричества, сетовал на то, что опаздывает на работу, на то, что на улице холодно, а они вынуждены ждать возобновления электричества, на то, что управляющая компания ничего не делает, и задавались вопросом, где вообще все эти техники и ремонтники. Ира вежливо поздоровалась со всеми, подтвердила, что на ближайшей станции метро электричества тоже нет, и вошла внутрь.

В подъезде было сумрачно, словно опять перегорела лампа дежурного освещения, лифты не работали, и Ирина направилась к лестнице. Подъём на шестнадцатый этаж оказался делом вообще непростым. На двенадцатом этаже ноги гудели так, что пришлось остановиться и немного передохнуть. Она даже расстроилась, потому что была уверена, что для неё взлететь на шестнадцатый – раз плюнуть, а оказалось, что до своих кумиров из любимых сказок ей не так-то и близко. Немного успокаивало то, что по лестнице помимо неё поднималось больше десятка человек и все они останавливались отдыхать ещё раньше. Ира было подумала, что никогда не видела такого количества людей на лестнице своего дома, но тут же поняла, что она не ходила пешком по этой лестнице с девяти лет, с тех пор, как они с отцом перестали играть на ней в догонялки.

За время подъёма по лестнице выяснилось, что не во всех квартирах люди смогли отыскать аварийный ключ и несколько квартир остались заперты, а их жильцы стучат в дверь изнутри и просят соседей вызвать техников из управляющей компании. Но как это сделать без электричества, никто не понимает. Порядком устав, Ира доковыляла до шестнадцатого этажа и вышла на лестничную клетку. Окон на ней не было, и сразу стало едва ли не полностью темно. Ира распахнула двери, ведущие с лестницы на площадку, как можно шире, чтобы на лестничной клетке появился хоть какой-то свет, подошла к своей двери и принялась стучать. Все соседние квартиры были закрыты, есть ли в них люди, непонятно, но долго стучать не пришлось. Через пару минут из-за двери тихо донёсся мамин голос:

– Кто там?

– Мама, это я! – почти выкрикнула Ира, понимая, что утеплённая стальная дверь плохо передаёт звуки. – Открой, пожалуйста!

– Ира? У нас электричество отключили! Замок не работает! – Голос матери стал тревожным: – Почему ты вернулась? Что-то случилось?

– Со мной всё хорошо! В метро тоже света нет, и воч разрядился! Мама, поищи аварийный ключ! Им можно открыть замок изнутри!

– Ах, да! – Мама поняла, о чём речь. – Аварийный ключ! Сейчас поищу!

На поиски ключа ушёл почти час. Где он лежит, мама не помнила и с первого раза его не нашла. Ей пришлось перевернуть всю квартиру, что с больными ногами давалось ей тяжело, но в конце концов ключ она всё же отыскала. Дверной замок защёлкал, проворачиваясь, и железная дверь распахнулась.

– Заходи скорее! – Мама втянула её внутрь. – Замёрзла?

– Нет, на улице не холодно, в подъезде тепло. – Ира закрыла за собой дверь на ключ.

– Это хорошо, что тепло. – Мама покачала головой. – Потому что воды нет и отопления тоже. Я смотрела в окно, на всей улице света нет. Думала позвонить в аварийную службу, но оказалось, что у меня воч разрядился. Я оставляла его на ночь в зарядном устройстве, но,

видимо, как-то не так положила, и он не зарядился. Теперь вообще не запускается! А ты как умудрилась свой воч не зарядить?

– Я его зарядила. – Ира принялась разуваться. – И ты, думаю, тоже. Но электричество пропало не только в сети, все аккумуляторы разрядились в один миг у всех. Ни у кого ничего не работает.

– Разве так может быть? – удивилась мама. – Как аккумуляторы могут разрядиться одновременно сразу у всех? Может, это какие-нибудь магнитные бури? О них часто говорят... Или вспышка на Солнце? – Она подошла к окну, тяжело переставляя отёкшие ноги. – День солнечный как раз...

– Надо подождать, пока починят. – Ира подошла к матери. – Без воча я всё равно ни в метро, ни в универ не попаду. Деньги, документы, биометрия – всё в облаке.

– Если это настолько глобальный сбой, то такая проблема много где, и всё это уже чинят, – авторитетно произнесла мать. – Скандал будет до небес! Детские сады и больницы остались без света, у людей продукты в холодильниках лежат, не говоря уже о магазинах. Так что скоро аварийные службы восстановят энергоснабжение. Ну, или переключат всех на какое-нибудь аварийное питание. Подождём.

* * *

– Эй, вы там где?! – Максим вновь забарабанил в закрытые двери лифта, отчего огонёк зажигалки в руках Дениса затрепетал, едва не погаснув. – Сколько можно, блин?! Третий час тут сидим уже! Дышать нечем! Женщине плохо!

Он обернулся, всматриваясь в освещённое слабым огоньком лицо их попутчицы, и та торопливо закивала, мол, да-да, если что, я подыграю!

– Охрана! – Максим повысил голос ещё сильнее. – Меня вообще кто-нибудь слышит?!

Откуда-то снаружи донеслась неразборчивая возня, и какой-то отдалённо знакомый женский голос глухо прокричал:

– Максим Муратович! Охранник пошёл за техниками! Подождите немного!

– Мы уже два часа ждём этого «немного», – недовольно пробубнил Максим. – Подождём ещё, подумаешь, какая ерунда!

– Это реально возмутительно! – тихо негодовала их попутчица. – Из-за них у меня отключился воч! – Она в очередной раз безрезультатно попыталась активировать свой девайс. – А если он сгорел?! Это дорогая модель! Буду требовать компенсации! Если мне откажут в гарантийном ремонте, в суд подам на этих недолифтеров!

– В этом случае иск будет групповым, – поморщился Денис.

Он несколько раз коснулся пальцем сенсора активации собственного воча, но тот по-прежнему не подавал признаков жизни. Короткое замыкание, вырубившее электричество, было настолько мощным, что разрядились аккумуляторы в автономных девайсах, не зависящих от сети. Произошло это два часа назад, в начале девятого, когда они с Максом спускались в лифте со своего двадцать шестого этажа на седьмой, где должно было проходить общее совещание начальников департаментов. Офис РЖД на Каланчёвской, в котором они работают, занимает целый комплекс высотных зданий. Их высотка имеет три десятка этажей, и пока спускался лифт, кабина сделала несколько остановок, на одной из которых к ним присоединилась женщина из смежного департамента.

Женщину Денис не знал, зато с Максом они дружили уже лет пять. В этот офис РЖД они пришли работать одновременно, по протекции родственников, занимающих в министерстве высокое положение. Максим Березуцкий стал начальником Департамента продаж, Дениса назначили руководить Департаментом логистики. На почве необходимости вникать в работу на новом месте они и сдружились. К тому же опен-спейсы их департаментов располагались на

одном этаже, рядом друг с другом, и на всевозможные совещания ходить вместе было не так уныло, как поодиночке.

Но такой жести, как сегодня, за пять лет работы не случалось. Лифт был где-то между десятым и девятым этажами, когда свет неожиданно вырубил и лифтовая кабина дрогнула, теряя скорость. Видимо, сработала система аварийного торможения, она вроде не требует электричества, потому что лифт с вызывающим ужас скрипом, трясаясь и дребезжа, прошёл вниз ещё какое-то количество метров и остановился. Безмозглая баба начала визжать и бросилась куда-то в кромешной тьме, размахивая руками. Из-за чего чуть не выбила Денису глаз и ударилась башкой о лифтовую дверь. К счастью, это её отрезвило.

Сразу выяснилось, что лифт больше не падает и вообще не шевелится и не работает. А вместе с ним не работает ничего, кроме зажигалки. Ни сенсоры аварийного вызова, ни какое-нибудь аварийное освещение, даже вочи умерли, и нельзя сделать звонок. Пришлось барабанишь в двери и орать, привлекая к себе внимание. Их крики слышали не сразу, а когда услышали, сообщили, что света нет нигде. И вочи тоже ни у кого не работают, так что вызвать аварийную службу невозможно. Кто-то посоветовал им подождать, потому что наверняка через несколько секунд свет дадут.

Но прошло уже часа два, если не больше, а подача электричества так и не возобновилась. За это время удалось выяснить, что света нет и в зданиях напротив, которые кто-то видит через окна, и даже машины на улицах не двигаются, и аварийные генераторы почему-то не запускаются. Потом появился кто-то из охранников и сообщил, что лифт застрял между этажами, поэтому просто так их не разблокировать. Для этого нужны механики, которые сейчас заняты попытками запустить резервные генераторы где-то в подвалах.

– Сколько они собираются нас тут держать? – Женщина наконец перестала теревить свой модный воч и уставилась на Дениса. – Нам воздуха хватит? Вентиляция же не работает! Мне кажется, что становится тяжело дышать!

– Надо зажигалку погасить, – посоветовал Макс. – Огонь потребляет кислород.

– Не надо! – дёрнулась женщина. – Я темноты боюсь! Лучше пусть горит, пожалуйста! Не может же воздух так быстро закончиться, кабина большая, так ведь?!

– Надеюсь, – хмуро произнёс Денис.

Снаружи раздался глухой скрип пластика о резину, и все задрали головы вверх, упираясь глазами в низкий потолок.

– Эй, в лифте! – На этот раз голос был другим, звучал значительно громче и шёл сверху. – Слышите меня?

– Да! – вскрикнула женщина. – Мы здесь! У нас воздух заканчивается! Вытащите нас отсюда!

– Ща спущусь... – далее последовало нечленораздельное ругательство не на русском, – тут темно, как у шайтана в жопе, не видно нифига! Не упасть бы, мля...

Несколько секунд через потолок доносился какой-то глухой шум, потом что-то грохнуло по крыше лифта и раздалось новое ругательство. В потолке что-то заскрипело, и в слабом свете зажигалки стало видно, как распаивается аварийный люк, за которым оказалась непроглядная темень. Раздалось знакомое чирканье колёсика зажигалки, и в люке показался электрик с зажигалкой в руке.

– Держите стремянку! – Электрик просунул в люк небольшую сложенную лестницу, которую Денис в первую секунду принял за барный стул без спинки. – Я помогу вам выбраться! Давайте, по очереди! Только осторожно, тут везде тросы и механизмы!

Первой вылезла женщина, не столько опираясь, сколько наваливаясь своей тушей на их руки. Денис скривился от неожиданной тяжести и подумал, что было бы веселей, если б с ними в лифте застряла не эта старая корова, а какая-нибудь тёлочка помоложе. Можно было бы

сейчас посадить её как-нибудь поинтересней, и никакого харассмента – типа, экстремальная ситуёвина, темно, ничего не видно, и всё такое. Ы-ы!

Тётка наконец-то вылезла, но потом электрик долго возился с ней на крыше, пристёгивая монтажным поясом, который на ней не застёгивался. Потом корову всё же вытащили, и наверх полез Макс. С ним всё прошло быстрее, он хоть и с брюшком, но сам по себе тощий, и настала очередь Дениса. На крыше лифта действительно оказалось не только темно, но и напихано всяких механических девайсов с тросами и без, и было реально страшно – как бы не оступиться в темноте и не улететь вниз нафиг.

– Там есть кто-то ещё? – Электрик, оказавшийся охранником, подхватил монтажный пояс, который ему спускали на тросе из раскрытых дверей лифтовой площадки.

Двери оказались двумя метрами выше, и Денис не сразу понял, что это именно двери на лифтовую площадку. Потому что там тоже было темно и всё освещалось при помощи пары горящих зажигалок.

– Нет, я последний, – ответил он, поднимая руки, чтобы охраннику было удобнее застёгивать на нём пояс. – Нас было трое.

– О'кей! – Охранник закончил застегивать пояс и вручил Денису свисающий сверху трос: – Держись за верёвку, не то вниз головой перевернёшь. – Он задрал голову и крикнул в темноту: – Тащи!

Дениса вытянули из лифтовой шахты, сняли пояс и вывели из лишённого окон коридора в офисные помещения. Сразу же стало светло: стены стеклянные, на улице солнечно, и после непроглядной темноты лифта даже без дневного освещения вокруг ощущался чуть ли не яркий полдень.

– Дэн, пошли покурим! – из дверей кабинета местного шефа появился Макс. – Совещание отменилось, электричества нет, связи нет, все вернулись к себе, ждать указаний. Говорят, наш вице-президент послал замов в центральный офис, получить распоряжения от генерального.

В курилке, расположенной возле туалетов, было пусто, сильно накурено и воняло.

– Воды нет, смывать нечем, воняет аж здесь! – Макс поморщился, закуривая от его зажигалки: – Долгоиграющая у тебя оказалась зажигалка!

– Утром распечатал. – Денис прикурил свою сигарету. – После развода начал курить в два раза больше, так и не перестал. Сигареты и зажигалки улетают – только в путь. Дома целый склад сделал. Сегодня с утра решил покурить под кофе – зажигалка пустая. Достал новую.

– А говорят, типа, курение – это вред! – Макс ухмыльнулся. – Были бы некурящими, сидели бы три часа в темноте в этом долбаном лифте!

– Три часа прошло? – переспросил Денис.

– Да фиг его знает, – отмахнулся Макс. – Вочи не работают, света нет – никто не понимает, сколько сейчас времени. Говорят, вроде часа три прошло.

– Странно, что вочи вырубались. – Денис нахмурился. – Разве так может быть при коротком замыкании?

– Ну они же вырубались! – Макс усмехнулся: – Всегда ваш, Капитан Очевидность! Вот что действительно странно, так это то, что до сих пор это не починили! Я в окна смотрел – везде так. Похоже, вырубил весь центральный округ или даже всю Москву.

– Всю вряд ли. – Денис докурив и отправил окурочек в едва заметную урну. – Москва большая, разные округа висят на разных электростанциях. Все сразу вырубиться не могли.

– Вполне могли, – возразил Макс, делая последнюю затяжку. – Вон, во Франции сколько-то лет назад ураганом столетнее дерево прямо на магистральную ЛЭП повалило. Так у них пол-Франции на неделю без электричества осталось, потому что сначала вырубилась одна крупная электростанция, а потом сдохли остальные, потому что на них нагрузка резко возросла и они не выдержали.

– Это было фиг знает когда. – Денис вытянул руку с горячей зажигалкой и направился к выходу из курилки. – С тех пор всё двадцать раз перестроили. И потом, во Франции тогда работали всякие резервные генераторы. А у нас – нет.

– Так это во Франции! – саркастически фыркнул Макс. – А мы в России!

Они вернулись в светлые офисные помещения и подошли к ближайшему окну. Далеко внизу виднелась автомобильная дорога, заполонённая неподвижными машинами, уткнувшись в здания и друг в друга. Среди них прямо по проезжей части в обе стороны шли десятки людей, внимательно вглядываясь в таблички с названиями улиц. Кое-где валялись разбитые курьерские дроны, рухнувшие кто на асфальт дорожного покрытия, кто на крышу автомобиля, а кто и на тротуарную плитку. Отсюда не было понятно, зашибло ли кого-нибудь дроном, но кому-то наверняка досталось. Свет вырубило в самый час пик, в это время на улицах полно народа.

– Интересно, самолёты тоже упали? – Денис вглядывался в видимую панораму города. – Вдали горит что-то...

– Вряд ли, – усомнился Макс. – Самолёты над центром Москвы не летают. Вроде только над окраинами, и то не везде. – Он проследил взгляд Дениса: – Замкнуло проводку, наверное. А тушить нечем – воды же нет. И пожарные машины заглохли. – Он посмотрел на друга: – Что делать будем? Полезем к себе, на двадцать шестой?

– Офигеть какое счастье! – Денис скривился. – Может, тут отсидимся, пока свет не дадут? Наверху без компов и связи делать всё равно нечего.

– Господа! – из коридора со стороны лестницы раздался громкий голос, и все обернулись. В дверях стоял один из секретарей вице-президента: – Альберт Хаимович собирает всех директоров и начальников департаментов у себя! Прошу всех указанных должностных лиц проследовать в его приёмную!

– Офигеть! – тихо повторил Денис. – Лезть придётся не на двадцать шестой, а на тридцатый! А мы на девятом. Двадцать этажей пёхом! Вот это счастье привалило...

– Пошли, что поделать. – Максим тяжело вздохнул и направился к выходу в коридор, доставая из кармана зажигалку. – Увидишь: по закону подлости лифты заработают, как только мы поднимемся на тридцатый.

– Жесть. – Денис, недовольно морщась, двинулся следом.

* * *

Неясный шум проник сквозь дымку улетающего сна, привлекая внимание глухими ударами, и Игорь открыл глаза. В незашторенное окно жизнерадостно светило солнце, словно на дворе не двадцать седьмое октября, а двадцать седьмое апреля и лежит он в постели родительской квартиры в Архангельске. Кажется, что-то похожее ему и снилось, но сон уже исчез, и вспомнить, о чём он был, не получалось. Разбудивший его шум стал отчётливее, вместе с ним стали слышны какие-то голоса, разговаривающие на повышенных тонах, и всё это доносилось из гостиничного коридора. Что у них там случилось ни свет ни заря?

Неожиданно Игорь понял, что весело глядящее в окно солнце находится слишком высоко для восьми утра, на которые он ставил будильник, и поднёс к глазам руку с вочем. Воч не работал, и сознание пронзило тревожной мыслью: он проспал! Воч разрядился, будильник не сработал! Игорь вскочил, бросаясь к сложенной в кресле форме, на ходу снимая с запястья воч. Как же так, блин! Вчера вечером он помещал воч в док беспроводной зарядки, пока принимал душ перед сном, и спать ложился с полным аккумулятором! Это армейский служебный воч, в нём не так много функций, как в гражданском, и контроль трафика осуществляется постоянно особым управлением контрразведки, зато просто так он не разрядится! Неужели аккумулятор испортился?!

Едва не сломав ремешок, Игорь снял воч и сунул его на подставку док-станции. Ни воч, ни док-станция никак на это не отреагировали, ни один из привычных индикаторов не горел. Свет, что ли, отключили?! Он был уверен, что такое случается где-нибудь в Иркутске или Архангельске, но точно не в Москве! Это, блин, просто очень хреново! Сколько сейчас времени? В полдень его ждёт этот маниакальный инструктор, чтобы поставить зачёт в обмен на часы, головорез же в отпуск собрался, он конкретный отморозок, запросто может не дожидаться и укатить к черту на кулички! Надо мчаться в Спеццентр, пока не поздно, а тут ещё с вочем проблемы!

Без воча на территорию Спеццентра не войти, система контроля доступа не сможет получить коды подтверждения. Ладно, повозятся полчаса с ручным подтверждением и запустят, воч не работает, но его биометрия в системе есть, за ворота не выставят. А пока он достанет свой гражданский воч, у него всегда с собой есть простенький девайс. И он, конечно же, тоже оказался незаряженным. Игорь несколько секунд теребил запасной воч, но тот не откликнулся на попытки активации. Видимо, слишком долго лежал без подзарядки. Надо добратся туда, где есть электричество, и попытаться зарядить оба устройства.

Торопливо натянув камуфляжные брюки, Игорь побежал в ванную, где выяснилось, что в номере нет не только света, но и воды. Умыться не получилось, и он, наскоро одевшись, подхватил лежащую на столе коробку с купленными вчера допотопными часами. Окинув беглым взглядом номер, Игорь убедился, что ничего не забыл, и устремился к входной двери. Которая оказалась заперта. Электричества нет, воч не работает, соответственно приложение «умный дом» тоже, и электрозамок, оказавшись без питания, остался в положении «закрыто». Игорь, недовольно морщась, торопливо сорвал защитную крышку с кнопки аварийного открытия дверей и вдавил палец в сенсор. Результата не последовало.

У них что, и аварийное электричество вырубилось?! Оно же должно быть на автономном питании! Понятно! Воруем, значит! На автономном питании сэкономили, подключив аварийные кнопки к обычной сети! Интересно, в прокуратуре об этом уже знают? Если нет, то узнают, как только он зарядит свой воч! Нужно только отсюда выбраться! Игорь занёс руку со сжатым кулаком, собираясь забарабанить по двери, и понял, что именно такие звуки и доносятся из гостиничного коридора. В номерах оказалось заблокировано множество жильцов, все они стремятся выйти наружу, и в данный момент сотрудники гостиничного комплекса вскрывают двери подручными средствами.

– Эй! – Игорь заколотил по двери. – И меня тоже выпустите! Дверь не открывается!

– Господа! – донеслось из коридора. – Ещё раз убедительно просим вас сохранять спокойствие! Мы вскрываем все номера по порядку! В ближайшее время вы будете разблокированы! Спасибо за понимание!

Пришлось ждать, когда до него дойдёт очередь. Чтобы понимать, насколько он опаздывает, Игорь извлёк из коробки допотопные часы. Их механизм бодро тикал, его даже можно было услышать, если поднести к уху, стрелки показывали без десяти двенадцать. Вчера, в магазине, когда продавец при нём проверял товар, то выставил точное время и завёл часы полностью, крутя туда-сюда колёсико завода. Сейчас в магазинах всё реже можно встретить живых продавцов, чаще товар выдаёт электроника, за которой наблюдает кассир-оператор, но в том магазине без живого продавца не обойтись: товар укра... то есть выкуплен со старых складов и каждую единицу необходимо проверять вручную. Теоретически все изделия новенькие и не бывшие в употреблении. Практически же им всем лет по пятьдесят! Мало ли что могло сломаться в их потрохах за полвека хранения.

Если эти часы в порядке, то сейчас действительно почти двенадцать, и к назначенному времени Игорь безнадежно опаздывает. Сколько злобный подпол будет его ждать? И ведь не позвонишь ему – воч не работает! Кстати, даже если он заработает, то номера инструктора Игорь не знает. Головорез же там весь из себя суперсекретный, его координат в сводной учеб-

ной группе не знал никто, и в штатном расписании Спеццентра он везде обозначался только позывным. Хотя вроде у него позывной совпадает с фамилией... Да хоть с отчеством, лишь бы уже поставил этот долбанный зачёт! А тут такой облом с каким-то идиотским отключением электричества!

– Эй, снаружи! – Игорь вновь забарабанил в дверь. – Выпускайте меня вне очереди! Слышите?! Я военнослужащий! Опаздываю на задание! Ломайте дверь, у меня чрезвычайная ситуация!

На то, что кого-нибудь его тирада впечатлит, Игорь особо не рассчитывал и потому попытался прикинуть, что будет, если он сломает дверь изнутри. Можно попробовать выбить дверь плечом, она хлипкая на вид, из обычного пластика. Но не начнутся ли из-за этого проблемы с администрацией гостиницы? Без воча он даже дежурному в военную комендатуру Москвы не сможет позвонить, чтобы вызвать помощь. В этот момент за дверью слышались шаги двух или трёх человек, в дверь ударились что-то железное, и кто-то попросил его отойти вглубь номера, чтобы не пострадать.

Отшагнув назад, Игорь ответил, что всё порядке, и рабочие принялись вскрывать дверь. Как оказалось, её поддели монтировкой, приподняли, снимая с петель, и выдернули наружу. Игорь выскочил в коридор, из-за чего технические сотрудники гостиницы, вскрывавшие дверь, испуганно шарахнулись в стороны, явно не ожидая появления из номера настоящего военного, да ещё в такой спешке. В коридоре оказалось полно людей. Две группы техников двигались вдоль стен, вскрывая двери в номера, из уже разблокированных номеров выходили постельницы, многие с багажом и абсолютно все с негативом.

Большинство из них направлялись к лифтам, возле которых стояла сотрудница гостиницы и перенаправляла всех на лестницу. Игорь понял, что лифты тоже не работают, и без промедления рванул вниз по ступеням, обгоняя попутчиков и извиняясь за задетые чемоданы. Спустившись с десятого на первый, он увидел огромную толпу, оккупировавшую подступы к стойке регистрации и весь холл вплоть до выхода на улицу. Стоять в такой очереди, чтобы сдать номер или что там ещё положено делать при выезде, не было никакой возможности, и Игорь выскочил из здания гостиницы, озираясь в поисках любого здания, внутри которого есть возможность зарядить воч.

Но на улице оказалось, что света нет нигде в округе, зато народа возле здания было не меньше, и не все из них были китайцами. Из разговора ближайших соотечественников стало ясно, что электричество вырубili ещё утром, часов в восемь, а администрация гостиничного комплекса не сразу решила вскрывать двери, из-за чего многим пришлось просидеть всё это время в номерах, а те, кто живёт на более высотных этажах, и вовсе сидят там до сих пор, потому что рабочих на все этажи не хватает. И ничего не сделаешь, потому что вочи у всех отключились, хотя они на аккумуляторах и этого вообще-то не должно было быть. В общем, никто не понимает, что это такое и когда же оно закончится.

– Как отсюда добраться до... – Игорь понял, что название секретного Спеццентра гражданским людям ничего не даст, и торопливо соображал, название какого населённого пункта поблизости ему известно, – до Солнечногорска?

– Солнечногорск? – переспросил один из собеседников, единственный чернявый молодой человек, говорящий без акцента. – Это где? Это вообще в Москве? Я не местный, Москву ещё не очень знаю...

– Это где Шереметьево, – произнёс один из его спутников. – Тебе надо по Ленинградке ехать!

– А где Ленинградка? – Игорь машинально поднёс к глазам воч, по привычке собираясь включить навигатор, и с кривой гримасой опустил руку обратно.

– Это Ленинградское шоссе, – неожиданно объяснил стоящий неподалёку китаец. Впрочем, возможно, что он был не китайцем, а кем-нибудь ещё. – Оно идёт от Тверской до Шереметьево и дальше. Выходите на Тверскую и направо, по ней.

– Как попасть на Тверскую? – Игорь заметил, как в распахнутые ворота территории гостиничного комплекса въезжает группа китайских туристов на велосипедах. Многие из толпы возле гостиницы уже провожают внимательными взглядами их велосипеды. – Хотя бы направление покажите!

– Гостиница стоит на Тверской, – снисходительно улыбнулся азиат. – Как выйдете за шлагбаум, доходите до перекрёстка – и вы на Тверской.

– Спасибо! – Игорь рванул к китайцам, слезающим с велосипедов на гостиничной велосипедной стоянке.

Вместе с ним туда же устремились человек десять, но Игорь успел раньше других. Добежав до только что сошедшего с велосипеда китайца, опасливо пятящегося от бегущего прямо на него военного, он схватил освободившийся велосипед и со словами «спасибо» выкатил его из образовавшейся толпы. Взобравшись на сиденье, он покатил в указанном направлении, соображая, сколько же времени займёт дорога. Велосипед был электрическим, но, к счастью, старой модели, на которой при полностью разряженном аккумуляторе можно ехать, крутя педали. В новых моделях педалей уже нет, потому что аккумулятора хватает больше чем на сутки, а подзаряжаются они на велосипедных стоянках гораздо чаще. Прокручиваются педали на электровелосипеде тяжелее, чем на обычном, но это лучше, чем пешком до Солнечногорска!

Впрочем, сейчас главное – это доехать до того места, где уже есть электричество. Если тут вырубило местную подстанцию и электромагнитный импульс сжёг все аккумуляторы в округе, то где-то начинается другой район, где электричество не пропадало. А вот если это был вражеский ЭМИ-удар, то дело может оказаться совсем дрянью! В любом случае ему нужно попасть в Спеццентр как можно скорей, поэтому надо добраться туда, где есть электричество и связь. У ЭМИ-ударов, даже самых мощных, есть предельный радиус, и выходить за его пределы лучше всего в направлении Спеццентра.

Поднажав, Игорь выехал на Тверскую, и его опасения стали ещё сильнее: вся далеко не маленькая улица была занята обесточенными автомобилями, застывшими в столкновениях или просто замершими на месте. В десятке метров от него, на пешеходном тротуаре, в кучу были стасканы несколько разбитых курьерских дронов, явно рухнувших с высоты, и возле них дежурил полицейский. По улицам текла толпа, к полицейскому то и дело подходили люди, спрашивая, как добраться до той или иной улицы. Полицейский что-то отвечал, но, судя по реакции спрашивающих, ничего конкретного он им не говорил.

– Господин военный! – Игорь обернулся на голос и увидел пухлую женщину в никабе, держащую за руку курчавого упитанного ребёнка лет семи. – Вам ещё нужен велосипед? Мне нужно сына домой из сада отвезти!

– Извините, мне срочно нужно вернуться в часть. – Игорь виновато поморщился. – Это очень далеко отсюда, за аэропортом. Обратитесь к кому-нибудь другому.

Он торопливо покатил по дороге, объезжая машины и шараясь от проносящихся мимо на опасной скорости велосипедистов. Сзади донёсся злобный женский шёпот:

– Ишак, блин! Защитничек ссанный! Пешком должен до части добежать, раз весь из себя такой военный профи! Велосипеда ему жалко для женщины с ребёнком! Чтоб тебя Аллах покарал!

Реагировать на это было глупо, и Игорь принялся крутить педали быстрее, подражая примеру тех, кто проезжал мимо него на велосипедах слишком быстро для забитой заглохшими машинами улицы. Теперь понятно, почему все, кому повезло отхватить где-то велосипед, стараются не сбавлять скорость. Всюду толпы людей, которым нужно куда-то попасть, а дистанции в современной Москве немаленькие. Наверняка не только ему предстоит крутить

педали километров пятьдесят, много кто сейчас стремится попасть за МКАД. Велосипедов на всех не хватит.

* * *

От многочасовой ходьбы пятки гудели, словно чугунный колокол, и Вениамин в очередной раз сделал передышку. Он добрёл до ближайшего такси, распахнул заднюю дверь и улёгся на пассажирском сиденье, распрямляя уставшие ноги. Дорога до родного Кунцево оказалась значительно дольше и трудней, нежели он себе представлял, когда выходил из Митино. Идти пришлось долго, по ощущениям – часа четыре, но точно сказать невозможно, потому что вочи не работают и сколько сейчас времени, никто не знает. Этот вопрос за время ходьбы по МКАДу он слышал постоянно и столь же постоянно слышал один и тот же ответ: посмотреть негде.

Дома, в квартире, у него имеется коллекция антиквариата, среди которой есть настоящие механические часы, элитный швейцарский хронометр пятидесятилетней давности в корпусе из белого золота. Эти часы в своё время обошлись ему в сто тысяч евро, он даже пытался одно время их носить, но быстро отказался от этой идеи. Носить часы на обеих руках – это выглядело дешёвым плебейским кривлянием, носить только хронометр, а воч держать в кармане – этот вариант оказался в высшей степени неудобным. Не говоря о том, что мало у кого хватало утончённости, вкуса и кругозора понимать, что именно у него на руке за часы и сколько они стоят. В общем, воч оказался практичнее во всех отношениях. Зато сейчас механический хронометр будет очень кстати. Только он дома, а до дома нужно ещё дойти.

Идти по МКАДу было в определённой мере жутковато. Само по себе безопасным оказалось именно пешее передвижение. Никто не нападал на одиноких прохожих, потому что прохожих были в буквальном смысле сотни. Людей, пытающихся вернуться домой, придерживаясь автомобильных маршрутов, сейчас полно везде. По заполненной заглохшими машинами проезжей части пешеходы шли массово, провожая злыми завистливыми взглядами редких обладателей велосипедов и самокатов. Одного из таких велосипедистов, не отличавшихся могучим телосложением, прямо на глазах у Вениамина сбросил с велосипеда какой-то мускулистый бородач. Он просто толкнул проезжающего мимо человека со всей силы, и тот упал вместе с велосипедом, ударившись головой об асфальт проезжей части. Бородач вырвал из-под него велосипед, сел и уехал, даже слова не произнёс.

Помимо Вениамина это видели десятка два человек, но никто не стал вмешиваться. Более того, кто-то позади негромко выругался нецензурной бранью со словами: «А что, так можно было?!» В этот момент Вениамин оценил ситуацию правильно: вочи не работают, снять видео невозможно. Камеры наблюдения тоже отключены. Полиции вокруг нет. Жаловаться некому. Даже если несчастный велосипедист запомнил лицо обидчика, то шансов восстановить справедливость у него минимум. Свидетелей не будет, потому что даже номерами обменяться непонятно как. Упавшему велосипедисту попытались оказать помощь, но вызвать медиков нереально, и помощь свелась к элементарной показухе: пара прохожих помогли ему подняться на ноги, спросили, в порядке ли он, после чего пошли дальше. Так что пешком идти безопасно, а вот ехать – это уже как повезёт.

Но и пешком идти жутковато, потому что всё это напоминало Вениамину некий злоеший сюрреализм: машины стоят, словно в блокбастере об очередном апокалипсисе, по проезжей части массово бредут люди, вдали, за МКАДом, виднеются пожары, возникшие в местах падения самолётов. За время ходьбы по кольцевой Вениамин видел таких три, и всякий раз в бушующем пламени было видно обломки хвостового оперения или крыльев. О том, что в одном из самолётов, таких как эти, могут находиться его жена и дочь, Вениамин старался не думать. Они вылетели до отключения электричества и не попали в радиус аномалии.

Хотелось верить, что это действительно аномалия, а не результат воздействия солнечной вспышки или вражеского ЭМИ-удара, как предполагали его кавказские попутчики по метро. Потому что следом за ЭМИ-ударом может произойти ядерный. Это очень пугало, особенно на контрасте уставших прохожих, лежащих в салонах безжизненных авто. Первый час пути Вениамину постоянно казалось, что вот сейчас, спустя минуту или две, горизонт расцветёт взрывами, перерастающими в жуткие грибовидные облака. И все сметающая лавина огня поглотит его, пока он будет вот так же лежать на сиденье какого-нибудь такси.

Так как до сих пор ядерной атаки не произошло, его взвинченные нервы начали понемногу успокаиваться. Как специалист по кризисным ситуациям, Вениамин к этому моменту осознал, что никакой атаки не будет, ибо прошло слишком много времени и эффект внезапности уже потерян. С вероятностью сто процентов аномалия потери электричества не связана с вражеским ядерным ударом. Не факт, что она не связана с войной вообще, но чтобы делать точные выводы, необходимо понимать, как далеко простирается область отсутствия электричества. Простым гражданам об этом никто не расскажет, потому что властям сейчас не до граждан. И наиболее разумным решением сейчас является быть поближе к властям. Как только Вениамин доберётся до дома, то наденет спортивную обувь, возьмёт хронометр и направится к сестре, в здание Кунцевского ОМВД.

Как дойти пешком от своего дома до отдела МВД, Вениамин помнил. Проблема в том, что он до сих пор до дома не дошёл. Дорога по МКАДу до съезда на Рублёвское шоссе с неприятно показавшейся ему раз в десять длинней, нежели обещанные полицейским десять километров. И по Рублёвскому он идёт уже очень долго, дорогие модные лоферы оказались не приспособлены для бесконечных пешеходных прогулок, пятки гудят, ноги отваливаются, приходится часто отдыхать. Ощущение такое, словно он уже до Кремля должен был дойти, но таблички с номерами домов, имеющиеся на стоящих вдоль дороги зданиях, сообщают о том, что поворот к дому ещё впереди.

Что бы там ни случилось, а больше он пешком на такие дистанции ходить не будет! Пусть сестра организует ему велосипед, даже если для этого ей придётся воспользоваться служебным положением, ему безразлично! Если кавказскому бородачу можно отобрать велосипед у первого встречного, то московскому полицейскому сделать это можно тем более! К тому же велосипедистов на Рублёвском оказалось в разы больше, чем на МКАДе, и носятся они как сумасшедшие. Того и гляди собьют кого-нибудь. Впрочем, если бы у Вениамина был велосипед или хотя бы самокат, он тоже старался бы держать максимальную скорость и ехать агрессивно. Чтобы у прохожих возникало поменьше желания отобрать у него транспорт.

А отобрать желающих полно, и не только транспорт. За время пути Вениамин не раз и не два видел, как люди, явно не являющиеся владельцами данного автомобиля, что-то вытаскивают из салонов брошенных дорогих машин и торопливо уходят прочь, искоса озираясь. И разбитые окна в заглухших автомобилях премиальных моделей он видел уже раз десять. Наверняка состоятельные владельцы очень дорогих машин, просидев в обесточенном авто пару часов, бросали свои средства транспорта и пытались добраться до дома пешком, как все остальные. Вряд ли они надеялись на порядочность окружающих, скорее, автомобили застрахованы, да и денег у владельцев хватит не на один десяток таких машин.

Вениамин многозначительно скривился. Не прошло и полдня без электричества, а осознание безнаказанности уже делает своё дело. Отребе осмелело от исчезновения неотвратимости наказания и грабит не только дорогие авто. Там, на МКАДе, рухнувших курьерских дронов не было, зато тут, на Рублёвском, их полно. Чем ближе к центру, тем больше. И возле каждого орудует какая-нибудь кучка мародёров, пытающаяся чем попало взломать грузовой контейнер с целью кражи товара. Несколько раз Вениамин мог бы пройти мимо такого вот рухнувшего курьерского дрона, не заметив его из-за заглухших машин, но истеричная женская ругань привлекала внимание к месту аварии: агрессивно настроенные дородные тётки делили

добычу. У женщин голоса пронзительней, их слышно издали, мародёры мужского пола грабят рухнувших дронов менее заметно. Но это пока.

То ли ещё будет... Если электричество дадут к вечеру, то дальше мелких краж дело не пойдёт. Однако мировой опыт показывает, что в странах, переживших отключение электричества на срок в несколько суток, криминогенная обстановка серьёзно ухудшалась, не говоря о прочих сопутствующих проблемах: неработающий водопровод, отключившаяся мобильная связь и интернет, на которые сейчас в буквальном смысле завязана вся жизнь. А ведь во всех тех случаях не было только центрального электроснабжения. Всевозможные аварийные генераторы, аккумуляторы и прочие батареи работали.

Значит, в нашей ситуации последствия будут тем сложнее, чем дольше продлится этот блэкаут. Можно попытаться предположить разные сценарии развития событий от менее негативного к максимально катастрофическому. Может, хотя бы за подобными размышлениями эта чёртова дорога когда-нибудь закончится. Вениамин, обречённо вздыхая, вылез из машины и пошёл дальше.

До своего дома он добрался только через час. Точно, конечно же, сказать было невозможно, но по ощущениям дорога была бесконечна. Углубившись в знакомые переулки, Вениамин почувствовал истинное облегчение, хотя общая окружающая обстановка не внушала оптимизма: где-то вдали что-то горело, причём довольно сильно; в переулках валялись разграбленные курьерские дроны; стояли хаотично столкнувшиеся заглохшие машины; всюду ходили ошеломлённые люди. Но главным отличием были толпы жильцов во дворах, обсуждающих проблему. Его дом исключением не стал, едва Вениамин добрался до проходной жилого комплекса, его взгляду предстало собравшееся у подъездов скопище людей.

К моменту возвращения Вениамина входные ворота в ограждения территории жилого комплекса были распахнуты, и охрана уже не задавала пришлым никаких вопросов. Что тут спросишь? Пропуск? Документы? Пропуску? Всё в воче, а вочи не работают. На территории комплекса несколько элитных многоэтажек, в каждой проживают тысячи человек, всех в лицо не запомнишь. Так что пускать на территорию придётся всех, кто заявит, что он тут живёт. Впрочем, быстро выяснилось, что попасть на территорию жилого комплекса ещё не означает вернуться домой.

Потому что система «умный дом», оставшись без электричества, вырубилась. И все дверные замки оказались в положении «заперто». Вот почему во дворе толпа: многие ждут ремонтников, которые разблокируют им вход в квартиру. Ремонтников, естественно, оказалось крайне мало, только те, кто являлся дежурной сменой управляющей компании в данном жилом комплексе. Позвонить куда-либо и вызвать усиление невозможно, и ремонтников едва ли не меньше, чем домов. И каждого понукает очередь из нервных жильцов, большей части из которых пришлось вернуться домой пешком. И в несколько раз больше людей сидит взаперти в квартирах.

Многие из таковых невольных узников барабанили в двери изнутри, требуя их освободить, но в элитном жилом комплексе установлены дорогие качественные двери, у них отличная звукоизоляция, и требований заблокированных в квартирах людей на лестничной площадке не слышно. Зато с улицы зрелище не для слабонервных: в каждом окне страдают испуганные или паникующие люди. Здание из стекла и бетона, окон в нём нет, только вентиляционные шахты и приёмные шлюзы для курьерских дронов, но их тоже без электричества не открыть. Те из жильцов, у кого в квартире нашлось, чем взломать приёмный шлюз, орут оттуда благим матом, вызывая к персоналу управляющей компании с требованием восстановить электропитание или разблокировать входные двери в квартиры.

Ближайшего такого ремонтника Вениамин обнаружил на четвёртом этаже своего подъезда. Мужик в спецовке управляющей компании орудовал молотком и монтировкой, взламывая двери в очередную квартиру. Вокруг него стояла толпа, состоящая из жильцов, ожидаю-

щих своей очереди. Тут же выяснилось, что Вениамин пришёл последним, значит, занимает очередь позади всех под номером двадцать один. Минут через двадцать ремонтник взломал дверь и принялся за соседнюю. Стало ясно, что до Вениамина очередь дойдёт часов через семь и ждать здесь столько времени невероятно контрпродуктивно. А ведь ещё имеется другой вопрос: как покинуть вскрытую квартиру, если дверь взломана и нараспашку? В квартире ценности, нажитые непосильным трудом, и, учитывая, что происходит на улице с дорогими авто уже сейчас...

Заверив всех, что вернётся через десять минут, Вениамин покинул очередь, за двадцать минут увеличившуюся на пять человек, и вышел из подъезда. Нужно идти к сестре в ОМВД прямо сейчас. У неё должны быть люди, которые в случае необходимости решат проблему с заблокированной входной дверью. Отдел расположен недалеко, на машине Вениамин доезжал до сестры за две минуты, маршрут он помнит.

Однако пешком идти оказалось гораздо дольше, чем он ожидал. Дважды даже пришлось спрашивать дорогу у прохожих, потому что Вениамину казалось, что он уже прошёл нужный поворот. Из трёх встречных людей никто не смог сказать, где находится местный ОМВД, и всякий раз Вениамин по привычке хватался за воч, чтобы позвонить. Заодно от отметил, что ставшие бесполезными наушники никто из ушных раковин не достаёт. Все рассчитывают на скорое возобновление электропитания.

Выйдя наконец-то к зданию ОМВД, Вениамин увидел толпу людей, собравшихся у проходной. Народ собрался кто за чем: жаловаться на управляющую компанию, писать заявление на электросети из-за отключения света, требовать обеспечения порядка на улицах, и так далее. Проходная была заперта, через окошко в бронированной двери с толпой общался дежурный по КПП:

– Граждане! Расходитесь! Электричества нет, отдел не занимается приёмом заявлений! Компьютеры не работают, связь отсутствует! Приём заявлений и работа с населением возобновятся в полном объёме после возобновления электропитания!

– У меня самокат украл! – нервно кричал женский голос. – Это возмутительно! Почему полиция не принимает меры?!

– У меня машину на улице ограбили! – столь же возмущённо орал кто-то ей в ответ.

– Мой ребёнок в момент отключения света был в яслях! – ещё громче кричала какая-то женщина. – Она оказалась в туалете, в крошечной тьме, и испытала стресс! Воспитательница собирала других детей, и у неё не нашлось времени найти её! Бедный ребёнок просидел в вонючем туалете несколько часов, пока я за ней не пришла! Сама нашла её там! Я вас всех засужу, если у моей девочки начнутся проблемы с психикой!

Судя по истеричным интонациям говорившей, проблемы с психикой у её дочки носили наследственный характер и по этой причине начнутся в любом случае, но данная история никого особо не впечатлила. Каждый в толпе был возмущён собственной проблемой.

– Меня управляющая компания полдня из квартиры не выпускала! – заявлял некто.

– Меня тоже! Потребовал разблокировать дверь, а они её просто взломали! – подхватили из толпы с привычным кавказским акцентом. – Кто будет платить за ремонт? Дверь дорогая! Слесарь отказался дать расписку, что это он сломал дверь! Сказал, что ему нечем её писать! Хочу подать заявление!

– Граждане! – Голос дежурного по КПП зазвучал громче. – Мы не можем принять заявление без электричества! Компьютеры не работают, говорю же! Послали людей за писчей бумагой и ручками! Когда они вернутся, будем организовывать приём письменных заявлений! Это будет не раньше, чем завтра, быстрее не получится, посыльные ещё не вернулись!

– Скажите хотя бы, сколько сейчас время!!! – громко заорал кто-то издали.

– Мне бы кто сказал, – едва слышно буркнул дежурный и вновь повысил голос: – В настоящий момент ведутся поиски механических часов! Как только найдём, наладим оповещение о времени!

– Могу решить вопрос с механическими часами! – мгновенно нашёл Вениамин, принимаясь пробираться через толпу к дверям проходной. – Господин офицер!

Люди расступались перед ним неохотно, но до дверей Вениамин всё же добрался. Он посмотрел в окошко на дежурного по КПП и понизил голос, переходя на многозначительные интонации:

– Я по заданию подполковника Гилевич! Она меня ожидает!

– Фамилия? – с подозрением поинтересовался дежурный.

– Гилевич, – столь же многозначительно ответил Вениамин, – Вениамин Моисеевич!

Отчество своей начальницы дежурный не знать не мог, поэтому быстро сообразил, кто перед ним, и открыл дверь. Впустив Вениамина, офицер грозно осадил нескольких особо ретивых, попытавшихся пролезть внутрь КПП следом за Гилевичем, и захлопнул бронированную дверь.

– Куда идти, знаете? – поинтересовался он.

– Да, спасибо, бывал уже тут. – Вениамин устремился к входу в здание ОМВД.

Двор отдела полиции был заполнен заглохшими полицейскими автомобилями, возле которых в несколько куч были сложены разбитые курьерские дроны со вскрытыми и невскрытыми контейнерами. Чуть дальше, посреди оставшейся незанятой небольшой асфальтовой площадки, непривычно горел костёр, сложенный внутри мангала. Судя по пломбам, которыми мангал был облеплен, он являлся конфискованным вещественным доказательством. Видимо, его изъяли у кого-то, кто приобрёл мангал незаконно, не получив лицензии на разведение открытого огня. В данный момент на мангале стояли несколько разномастных кастрюль с водой, и несколько полицейских заваривали чай в большой ёмкости.

Сестру Вениамин нашёл в помещении дежурного по отделу. Вокруг неё находилось с десяток замученных офицеров, которым она раздавала указания, и, судя по её замороченному виду, день у полиции был реально непростым. Заметив брата, подполковник Гилевич кивнула и ещё несколько минут продолжала брифинг.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.